

Drifting between passive and anticausative.

True and alleged accent shifts in the history of Vedic *-ya*-presents

This paper focuses on the system of the Vedic present formations with the suffix *-ya-* and middle inflexion, paying special attention to the attested accent patterns. On the basis of a study of the paradigmatic and syntactic features of this verbal formation we can conclude that the traditional analysis of some members of this class in terms of the passive/non-passive (anticausative) opposition is inadequate. I will offer a short overview of the history of this class, concentrating, in particular, on several accent shifts which account for a number of exceptions to the general correlation between the semantics and accent placement (passives: accent on the suffix vs. non-passives: accent on the root). Some of these shifts can be dated to the prehistoric (Common Indo-Aryan?) period (cf. suffix accentuation in such non-passives as *mriyáte* ‘dies’), while some others must be features of certain Vedic dialects, dating to the period after the split of Common Indo-Aryan.

Keywords: Sanskrit, Vedic, Ṛgveda, Atharvaveda, Yajurveda, Indo-European, passive, anticausative, middle voice, accentuation, accent shift.

1. Passive, reflexive, anticausative: preliminary remarks and definitions

The distinguishing between closely related intransitive derivations, such as passive, reflexive, anticausative (decausative), is one of the most intricate semantic and syntactic issues in languages with polysemous intransitive markers. Both anticausative and passive derivations entail the promotion of the initial direct object (= Patient) and the demotion of the initial subject (= Agent). This common syntactic feature accounts for their similar morphological marking in many languages (see e.g. Comrie 1985: 328ff.; Haspelmath 1987: 29ff.). In the cases where the markers of the passive and anticausative (at least partly) overlap, passives without an overtly expressed agent can be distinguished from anticausatives only by semantic criteria. This semantic opposition is characterized, for instance, by Comrie (1985: 326) as follows:

Passive and anticausative differ in that, even where the former has no agentive phrase, the existence of some person or thing bringing about the situation is implied, whereas the anticausative is consistent with the situation coming about spontaneously.

This general definition is also relevant for a description of the system of intransitive derivations in a number of Ancient Indo-European languages, such as Ancient Greek or (Vedic) Sanskrit.

In what follows I will focus on the Vedic verbs with the suffix *-ya-*, particularly on the genesis of their accentuation. Generally, the *-ya-* presents with the accent on the suffix are passives (*kriyáte* ‘is made’, *ucyáte* ‘is called’, *stūyáte* ‘is praised’, *hanyáte* ‘is killed’), whereas the *-ya-* presents with root accentuation behave as non-passive intransitives (cf. *pádyate* ‘falls’, *búdh-yate* ‘wakes’, *ríyate* ‘flows’). However, a few *-ya-* formations are generally regarded as exceptions to this regularity. The parade examples include *mriyáte* ‘dies’ (root *mṛ*) and its semantic counterpart *jáyate* ‘is born’ (root *jan*).

2. Non-passive *-ya-* presents with suffix accentuation: the type *mriyáte*

One of the most debated Vedic verbal formations relevant for a study of the accentual history of the *-ya-* presents is *mriyáte* ‘dies’. While its semantic opponent, *jáyate* (on which see next Section), is regarded as a passive by meaning, non-passive by form, *mriyáte* is taken as a passive by form, but non-passive by meaning, being quoted in all Vedic and Indo-European grammars as a handbook example of the non-passive usage of a *-ya-* present with suffix accentuation.¹ A few attempts to analyse this present as a passive proved unsuccessful. For instance, Negelein (1898: 38) treated it as the passive of the transitive *mṝ* (<**melH-*) ‘crush, destroy’ [“Der Inder mag sich den Hergang des Todes sehr wohl als ein Zermalmtwerden (*mṝ malmen*) vorgestellt haben”], which is etymologically impossible. Hartmann in his book *Das Passiv. Eine Studie zur Geistesgeschichte der Kelten, Italiker und Arier* (Hartmann 1954: 186ff.) even assumed a particular passive conceptualisation of death in Ancient India. The fact that two verbs which belong to one and the same semantic domain, *jáyate* ‘is born’ and *mriyáte* ‘dies’, show such a striking dissimilarity in accentuation, which generally corresponds to the functional opposition “passive/non-passive”, did not escape his attention. But his conclusions from this remarkable fact in the vein of *Geistesgeschichte* are untenable:

Trotz gewisser Übereinstimmungen im Gefühlswert beider Verba kann jedoch kein Zweifel darüber bestehen, daß das Ausmaß des ‚passiven‘ Einschlages *jáyate* geringer gewesen sein muß als bei *mriyáte*, da das Gefühl des Ausgeliefertseins an eine außerhalb des Subjektes liegende Macht bei einem Ausdruck für das Zurweltkommen einer Seele nicht so groß gewesen kann wie beim Sterben.

Needless to say that this explanation hardly deserves any serious discussion: *mriyáte* never functions as a passive (see e.g. Jamison 1983: 150, fn. 92), and, semantically, belongs with the root-accented *-ya-* presents of change of state, together with its counterpart *jáyate* ‘is born’. An explanation of the abnormal suffix accentuation can be given in phonological terms, and it holds also for a few other ‘formal passives’ (‘pseudo-passives’) made from the roots of the type *Cṛ*, where the suffix (‘passive’) accentuation must be of secondary nature. This class also includes *dhriyáte* ‘stays’ and *ā-driyáte* ‘heeds’. From the semantic and syntactic point of view and in spite of their suffix accentuation, the presents *-driyá-te*, *dhriyá-te*, *mriyá-te* (as well as *ghriya-te* and *-sriya-te*, which do not occur unambiguously accented) can be easily grouped with the non-passive middle *-ya-* presents of the three main classes, which include:²

¹ Cf. Delbrück 1874: 167f.; Whitney 1889: 277, §277; Macdonell 1910: 333, §444a.

² The non-passive character of these three presents was probably the main reason which has caused the Indian grammarians to group these formations (together with the post-Vedic *-priyate* [with the preverb *ā*] ‘be occupied, employed’; cf. DhP VI 109) with class VI presents; cf. Pāṇ. 1.3.61. In Western scholarship this analysis was

- 1) verbs denoting changes of state³ (mostly of spontaneous and non-controllable character): *janī* ‘be born’ — *jāya-te* RV+, *pyā* ‘fill, swell’ — *pyāya-te* RV+, *budh* (α)⁴ ‘(a)wake’ *búdhya-te* RV+, *lī* (α) ‘dissolve’ — *līya-te* RVKh.+;
- 2) verbs of motion and body posture: *pad* ‘fall, move’ — *pādya-te* RV+, ¹*yā* ‘drive, speed’ — *īya-te* RV+, *rī* ‘whirl, swirl’ — *rīya-te* RV, VS^{1x}, *lī* (β) ‘adhere’ — *-līya-te* Br.+;
- 3) verbs of mental activities, constructed with the accusative: *kā* ‘long (for), yearn’ — *kāya-te* RV^{1x}, *budh* (β) ‘perceive’ — *búdhya-te* AV+, *man* ‘think, respect’ — *mānya-te* RV+, *mṛṣ* ‘forget’ — *mṛṣya-te* RV+.

No doubt, the similar morphological marking of these presents reflects their semantic affinity within the Vedic verbal system. Note that for all these semantic types, middle voice marking is typical in the world languages (see Kemmer 1993; 1994: 182f. et passim). In spite of the small range of classes (1–3), their relevance within the Vedic verbal system is obvious. These types determine which meanings are productive (and, hence, “morphologically influential”) in the class of middle *-ya*-presents, and which are not. For instance, the relevance of type (2) may account for the secondary and more recent usage of *búdhya-te*, which originally (in the RV) could only be used in the intransitive usage (α), meaning ‘(a)wake’; after the RV, when the class I present *bódha-ti* ‘perceive’ disappears, *búdhya-te* takes over its function, thus being grouped together with such present formations as *mānya-te* ‘think, respect’ or *mṛṣya-te* ‘forget’.

All verbs of the type *mriyá-te* perfectly fit the three semantic classes listed above. *mriyá-te* denotes a change of state (note, particularly, the parallelism with *jāya-te*, which will be discussed at length below, in Section 3);⁵ *dhriyá-te* (together with the hapaxes *ghriya-te* and *-sriya-te*) belongs with verbs of motion and body posture; *-driyá-te* refers to a mental activity. Moreover, even the secondary meaning of *dhriyá-te* (β) ‘decide, determine’, attested from Middle Vedic (Brāhmaṇas) onward, perfectly fits class (3), too. Thus, within the verbal system, all these *Criyá-* presents belong with the middle *-ya*-presents, and even their later developments are determined by the semantic skeleton (1–3), as shown in Table 1 below:⁶

Thus, the suffix (“passive”) accentuation in the first three presents of the type *mriyáte* must be of secondary origin. All these formations are derived from *Cṛ* roots and, together with *-yá*-passives of the same structure (*kriyáte* ‘is made’, *bhriyáte* ‘is carried’ etc.), represent a specific development of *r* before the present suffix *-ya-*. Most likely, the regular reflex of **CṛiV-* was such that it disturbed the morphological transparency of the formation (for instance, **múryate*).⁷ The only way to preserve the transparency of the form was to introduce the accent on the suffix: **Cṛi-ṛa-* → *Criyá-* (i.e.: **mṛi-ṛa-* → *mriyá-* etc.). Here the type *kriyáte* (where *-ri-* goes

usually regarded as mere misunderstanding (see e.g. J. Schmidt 1875: 244ff.; cf. also Benfey 1866a: 198f.). In fact, however, the segmentation *mriy-á-* is the only possible synchronic solution of the descriptive conflict between the “passive” form and the non-passive meaning of these presents: class VI is the only thematic present with the accent on the thematic vowel (cf. *kṣi* ‘dwell’ — *kṣiy-á-ti*).

³ See Levin 1993: 240ff., with bibl.

⁴ Hereafter I use Greek characters (α , β) to refer to different meanings of polysemous *-ya*-presents.

⁵ Cf. M. Leumann 1940: 232 [= Kl.Schr., 323]; Gonda (1951: 92): “the two verbs [= *mriyáte* and *jāyate*. — L. K.] ‘formed a pair’ and influenced each other”.

⁶ This must also hold true for the presents *ghriya-te* ‘drip’ and *-sriya-te* ‘stretch’, which do not occur accented, but, by virtue of their phonological structure can only bear accent on the suffix: **ghriyá-te*, **-sriyá-te*.

⁷ Cf. *dúrvā-* < **dṛiueH-* (Lubotsky 1997: 148, with fn. 29). Note that the *-ya*-presents (including *-yá*-passives) derived from roots ending in long sonants (such as *púrya-* ‘become full’ < **pṛH-ṛa-*) are not discussed in this paper. On the Avestan reflexes of **Cṛi-* (*Crii-*, *Cirii-*), see Beekes 1999: 64.

Table 1. The main semantic classes of the middle *’-ya*-presents and the corresponding presents of the type *Criyá-te*

-yá-presents	passives (<i>yuḥyáte, dīyáte, hanyáte, kriyáte, ...</i>)		
	<i>mriyáte</i>	<i>dhriyáte</i> (α), <i>-sriyate</i> , <i>ghriyate</i>	<i>-driyáte, dhriyáte</i> (β)
middle ’-ya-presents	change of state (<i>jáyate, búdhyate</i> (α), ...)	motion and body posture (<i>pádyate, ríyate, ...</i>)	mental activities (<i>mányate, búdhyate</i> (β), ...)
	(1)	(2)	(3)

back to the accentless *-r-* before *-i-*) may have served as a model. Due to this accent rule, presents of the type *mriyáte*, which originally belonged with middle *’-ya*-presents, formally fell together with *-yá*-passives.⁸

3. *jáyate* ‘is born’ – anticausative or former passive?

According to the opinion widely spread in earlier Indo-European and Indo-Iranian studies, *jáyate* (as well as its Old-Iranian cognate, Avestan *zaiieiti*) is the original passive, with the secondary accent shift in Vedic. Whitney in his seminal Sanskrit grammar (1889: 273, §761b) called it ‘altered passive’; likewise, Macdonell in his Vedic grammar (1910: 333, §444a) claims that the original passive has been “transferred to the radically accented *ya-* class”: **jāyáte- → jáyate*. Similar statements can also be found in later studies.⁹ There is no sufficient evidence for such a hypothesis, however. Although a passive interpretation (‘is born by smb.’) is possible *per se*, it cannot be supported by the syntactic features of *jan*. Witness the following examples from the Ṛgveda and Śatapatha-Brāhmaṇa:

(1) RV 6.7.3a

tvád vípro jā-ya-te vājy āgne
 you:ABL poet:NOM.SG bear-YA-3SG.MED prize-winner:NOM.SG fire:VOC.SG
 ‘From you, o fire, is born the poet, the prize-winner.’

⁸ For a detailed discussion of this morphological type, see Kulikov 1997. On the secondary accent shift in *mriyáte*, see also Szemerényi 1964: 184, fn. 1. It is worth mentioning that a number of Indo-Europeanists and Sanskritists, without explicitly formulating the conditions of this process, have suggested the secondary character of the suffix accentuation in this present type; cf., for instance, the remark by Kellens (1984: 121, note (8)): “Le sens ne permet pas de considérer *mriyá-* comme le passif de *mára-*: l’accent suffixal paraît donc secondaire”. On the partial overlapping of the *-ya*-stems built on some *Cṛ* and *CRī* roots (vacillation *CRīya-/CRiya-*), see Kulikov 2005.

⁹ *jáyate* is qualified as an original passive, e.g. in Mayrhofer’s grammar (1965: 93, 93), albeit not consistently; see Hauschild 1965: 216; cf. also Hartmann 1954: 186f.; Etter 1985: 215, fn. 290; 245; Kellens 1984: 126ff., note (15); Werba 1997: 288 (“intr. Pr. [=Pass.]”).

(2) ŚB 5.3.5.17

agnér vái dhūmó jā-ya-te,
 fire:ABL.SG verily smoke:NOM.SG bear-YA-3SG.MED

dhūmād abhrám abhrād vṛṣṭih
 smoke:ABL.SG cloud:NOM.SG cloud:ABL.SG rain:NOM.SG

‘Verily, from the fire the smoke arises, from the smoke the cloud, from the cloud the rain.’

The most important piece of evidence for a non-passive analysis of *jāyate* is the lack of constructions with the instrumental of the agent (= the one who begets), which would be typical for a true passive construction (see Hock 1985–86: 90, fn. 5), as in (1a):

(1a) **tváyā vípro jā-ya-te*
 you:INS poet:NOM.SG bear-YA-3SG.MED
 ‘The poet is born by you (o fire).’

Besides, there are no good phonological reasons which could explain the supposed accent shift: **jāyáte-* → *jāyate*. Most likely, *jāyate* belonged with anticausatives, not with passives, from the very beginning, meaning ‘come into being, arise’. Then, how the widely spread passive analysis of *jāyate* can be explained? I presume it may have emerged under the influence of the passive morphology of its translations in European languages, such as Engl. *is born*, Germ. *ist geboren*, Fr. *est né*. Note, incidentally, that the Russian translation of this Vedic verb seems to be free of such dangerous side effects: Rus. *рождаться* ‘be born’ is a non-passive intransitive (anticausative), which cannot be employed in passive constructions of the type ‘X is born by smb.’

4. *-ya*-presents with fluctuating accentuation

There are some twenty Vedic *-ya*-presents attested with boot root and suffix accentuation, cf. *múcyate* / *mucyá-te* ‘be released, become free’, *kṣīya-te* / *kṣīyá-te* ‘perish, disappear’, etc. (hereafter referred to as “*-yá*-presents”). According to standard Vedic grammars, this fluctuation is not random only in case of *pacyáte* ‘is cooked’ vs. *pácyate* ‘ripens’ (as in RV 1.135.8 *pácyate yávaḥ* ‘the barley ripens’). In what follows, I will concentrate on synchronic features and diachronic origins of this verbal class.

4.1. Historical distribution of accentuation in Vedic texts

As noticed above, the accent fluctuation of the type *múcyate* / *mucyá-te* does not follow any semantic regularity (except for *pácyate*). The few attempts at explaining the place of the stress in terms of the passive/non-passive distinction (cf. Gonda 1951: 98f.), parallel to the opposition *pacyáte* ‘is cooked’ vs. *pácyate* ‘ripens’ clearly faltered. We find forms with different accentuation in nearly identical contexts and even parallel passages which differ only in accentuation; cf. RV 10.152.1 *jíyate* = AV 1.20.4 *jīyáte*. The accentuation of the *-yá*-presents is not random, however, as Table 2 below shows (the numbers in superscript indicate the number of accented occurrences):

Table 2. Accentuation of the *-ya*-presents with fluctuating accentuation in Vedic texts

<i>'-yá</i> -presents	<i>'-ya-</i> attestations with root accentuation	<i>-yá-</i> attestations with suffix accentuation
Verbs of destruction and destructuring ('entropy increase')		
<i>ṛdhyáte</i> 'is successful'; + <i>ví</i> 'loses'	TS ¹ , ŚB ¹	TS ¹ , MS ¹ , ŚB ¹ , ŚBK ¹
<i>kṣáyáte</i> 'perishes'	RV ¹ , TS ² , ŚB ² (BĀU), TĀ (act.) ¹	AV ¹ , ŚB ⁶ , TB ¹
<i>chidyáte</i> 'breaks, is cut off'	TS ¹ , ŚBK ¹	MS ² , ŚB ³
<i>jáyáte</i> 'suffers loss'	RV ¹ , RV-SV ¹ , TS ¹ , ŚB ¹ (BĀU)	AV ³ , MS ²
<i>dāryáte</i> 'cracks, is split'	TS ² , *MS ²	ŚB ⁴
<i>pūryáte</i> 'becomes full'	RV ¹ , MS ¹ , TB ^{m2} , TĀ (act.) ²	MS ¹ , ŚB ¹² , TB ¹
<i>bhidyáte</i> 'breaks'	RVKh. ¹ , TS ²	MS ² , ŚB ¹⁰ , ŚBK ¹ , KāthĀ ¹
<i>mīyáte</i> 'is damaged, perishes'	RV ² , TS ⁷ , TB ³ , TĀ ²	MS ⁴ , ŚB ¹
<i>mūcyáte</i> 'becomes free'	RV ¹ , RVKh. ¹ , AV ¹ , TS ²	AV ³ , ŚB ⁹ , ŚBK ³
<i>rīcyáte</i> 'is emptied'; + <i>āti, prá</i> 'surpasses; is left over'	TS ⁷ , TB ⁹ , (*TĀ ¹ (?))	MS ⁶ , MS-KS ¹ , ŚB ¹² , ŚBK ⁵
<i>lūpyáte</i> 'is damaged, torn'	TS ¹	AV ¹ , TB ^{m1}
<i>śīsyáte</i> 'is left over'	+AV ¹ , TS ² , TB ³	MS ¹ , ŚB ¹⁰ , ŚBK ⁴
<i>śīyáte</i> 'falls (off)'	TS-TB ¹ , MS ² , ŚB ¹ , TB ¹	ŚB ¹ , TB ^{m3}
<i>śīryáte</i> 'breaks, collapses'	ŚB ¹ (BĀU)	MS ¹ , KS ¹
<i>hīyáte</i> 'is left, abandoned'	TS ⁴ , ŚB ¹	MS ² , ŚB ²
Verbs of heating		
<i>tāpyáte</i> 'heats; suffers'	VS (act. ¹ , med. ¹), TS ^{m1} , MS ^{m1} , ŚB ³ , TB ²	AV ⁶ , TS ^{m1} , ŚB ⁴
<i>dāhyáte</i> 'burns'	RVKh. ²	TS ¹ , MS-KS ¹ , ŚB ⁴
<i>pācyáte</i> 'is cooked; ripens, is digested'	'ripen': RV ¹ , +RVKh. ¹ , ŚB ¹ , TB ¹	'is cooked': RV ¹ , RV-VS-TS- MS ¹ , RV- AV ¹ , AV ² ; 'ripens': MS ¹ , ŚB ¹¹ , ŚBK ¹

The simple regularity, which immediately follows from the above table can be formulated as follows:

- in the Ṛg-Veda (together with the RV-Khilāni) and in the texts of the Taittirīya school (Taittirīya-Saṃhitā, Taittirīya-Brāhmaṇa and, probably, Taittirīya-Āraṇyaka), *'-yá*-presents show root accentuation;
- in the Atharva-Veda, Maitrāyaṇī Saṃhitā, Śatapatha-Brāhmaṇa and, most likely, in the texts of the Kāthaka school, *'-yá*-presents show suffix accentuation.

While evidence provided by the RV, AV, MS, ŚB and the accentuated texts of the Taittirīya school is quite sufficient to make decisive conclusions on the accentual patterning of the *˘-yá*-presents in these texts, the case of the Kāṭhaka (KS) is less clear. The overwhelming majority of the *˘-yá*-presents occur in the unaccentuated parts of the text in ed. Schroeder; evidence consists of only three attestations (*dahyámānā* KS 10.5:130.6–7, *ati-ricyáte* KS 14.10:209.6, *api-śīryáte* KS 35.16:62.2). Yet, in spite of the scarcity of attestations, the three accented occurrences (to which one form in the Kāṭha-Āraṇyaka may be added) as well as the close affinity of the language of the Kāṭhaka and Maitrāyaṇī schools lead to the assumption that the corresponding dialects belong together as far as the accentual patterning of the *˘-yá*-presents is concerned.

Still more problematic is the position of the dialect of the Vājasaneyins. The only *˘-yá*-present which occurs accented in the VS is *tápyá-te* (*tápyamānāya* VS 39.12).¹⁰

The aforementioned distinction holds foremost for the larger semantic class of *˘-yá*-presents, which includes verbs referring to (spontaneous) destruction and some related processes (for a detailed semantic analysis of the *˘-yá*-presents see Section 4.4 below). More intricate is the case of the second, smaller, semantic class, which includes verbs of heating. In the RV, the place of the accent in *pácyá-te* depends on its meaning (‘be cooked/ripen’). The ŚB and MS have generalized the suffix accentuation (except for one root-accented occurrence in the ŚB), as in the case of the verbs of destruction; the root accentuation of the only accented occurrence in the TB matches both its semantics (‘ripen’) and the rule of accent placement in the Taittirīya and therefore does not prove anything. Likewise, *dáhyá-te* (unattested in the RV) essentially follows the model of the verbs of destruction, except for one occurrence in the TS. Most complicated is the situation with *tápyá-te*. In the AV, all the accented forms bear accent on the suffix, whilst in the TB the accent is on the root, which meets our rule. The accent placement in the Saṃhitās of the Yajurveda (TS, MS) seems to be random; note, however, that both occurrences which do not meet the rule (TS^m 3.2.8.2 *anu-tapyámāna- ≈ anu-tápyamāna-* MS^m 2.3.8:37.1) appear in a mantra — that is, in the older language (which may represent an earlier situation as compared to what we observe at the later stage of the development of the same Vedic dialects, in Vedic prose). All the three root-accented occurrences attested in the ŚB are imperatives (met with in one passage), while the suffix accentuation is attested in indicative forms.

From the rule formulated above it immediately follows that (i) the suffix accentuation of the *˘-yá*-presents in the AV, MS and ŚB does not suggest their passive value or any particular semantic difference from the corresponding forms with the root accentuation attested in the RV(Kh.) and Taittirīya — contra Gonda 1951; (ii) there are no good reasons to emend the suffix accentuation in these texts on the basis of non-passive semantics (cf. Insler 1987: 62f. on AV *kṣīyáte*). The accent fluctuation does not depend on the semantics of the *-ya*-presents in question, but represents a difference between Vedic schools/dialects.

4.2. Exceptions to the general rule

Exceptions to our rule are relatively few among the ‘entropy increase’ verbs (shown with the outline letters in Table 2 above); for convenience, they are summarized in Table 3 below:

¹⁰ The nonce formation *tápyate* (dat.sg. act.prt.), attested in the same passage, is a secondary replacement of the class I active participle (*tápate*) and thus cannot serve as evidence for the accentual patterning of *tápyá-te* in this text; moreover, it may even have triggered the root accentuation of the adjacent *tápyamānāya*.

Table 3. *-ya*-presents with fluctuating accentuation: exceptions to the general accentual pattern

<i>'-yá</i> -presents	<i>'-ya-</i> root accentuation instead of the expected suffix accentuation	<i>-yá-</i> suffix accentuation instead of the expected root accentuation
Verbs of destruction and destructuring ('entropy increase')		
<i>ṛdhyá</i> -te 'is successful'; + <i>vi</i> 'loses'	<i>vy-ṛdhyai</i> ŚB 2.1.2.4	<i>ṛdhyáte</i> TS 1.5.2.2
<i>kṣáyá</i> -te 'perishes'	<i>kṣáyate</i> ŚB 14.4.2.28, <i>kṣáyeta</i> ŚB 14.4.3.7	<i>apa-kṣáyáte</i> TB 1.5.10.5
<i>chídya</i> -te 'breaks, is cut off'	<i>vy-ava-chídya</i> ŚBK 2.8.3.18	
<i>jíyá</i> -te 'suffers loss'	<i>jíyate</i> ŚB 14.4.3.23	
<i>dírya</i> -te 'cracks, is split'	<i>+dírjeta</i> MS 2.1.8 ^{2*} : 9.14, 15	
<i>púrya</i> -te 'becomes full'	<i>prati-púrjeta</i> MS 3.2.2:17.11	<i>ā-púrýáte</i> TB 1.5.10.5
<i>múcyá</i> -te 'breaks'	<i>múcyātai</i> AV 8.8.6	
<i>lúpyá</i> -te 'is damaged, torn'		<i>lupyáte</i> TB ^m 2.8.8.2
<i>śíṣyá</i> -te 'is left over'	<i>+uc-chíṣyātai</i> AV 2.31.3	
<i>śíyá</i> -te 'falls (off)'	<i>ati-śíyante</i> MS 2.6.1 ^{2*} : 64.1, 6, <i>ava-śíyante</i> ŚB 3.2.6.8	<i>ava-śíyānte</i> TB ^m 3.12.7.2–3 ^{3*}
<i>śíryá</i> -te 'breaks, collapses'	<i>śíryate</i> ŚB 14.6.9.28 etc.	
<i>híyá</i> -te 'is left, abandoned'	<i>híyate</i> ŚB 3.6.2.14 ≈ 3.6.2.15	
Verbs of heating		
<i>tápyá</i> -te 'heats; suffers'	<i>anu-tápyamānāḥ</i> MS ^m 2.3.8:37.1, <i>tápyadhvam, tápyasva</i> ^{2*} ŚB 6.1.3.2–4	<i>anu-tapyámānā</i> TS ^m 3.2.8.2

Most exceptions fall into one of the following types:

- (1) eleven non-indicative forms with suffix accentuation instead of root accentuation:
- subjunctives: *vy-ṛdhyai* ŚB 2.1.2.4, *+vy-ava-chídya* ŚBK 2.8.3.18, *múcyātai* AV 8.8.6, *+uc-chíṣyātai* AV 2.31.3;
 - optatives: *kṣáyeta* ŚB 14.4.3.7, *+dírjeta* MS 2.1.8^{2*}: 9.14, 15, *prati-púrjeta* MS 3.2.2:17.11;
 - imperatives: *tápyadhvam, tápyasva*^{2*} ŚB 6.1.3.2–4.

The tendency to bear the accent on the root in the non-indicative forms of *'-yá*-presents in the AV, MS and ŚB was by no means a strict rule, however: we find subjunctives and optatives with the accent on the suffix as well, cf. *jíyeta* MS 1.6.10:103:2, *dírjeta* ŚB 4.5.10.7^{2*}, *bhidýyātām* ŚBK 4.9.4.15, etc. On the assumption that in the corresponding Vedic dialects the accent was retracted from the suffix to the root, the root-accented forms listed above can be regarded as preserving the original accentuation (see Section 5.2 below).

- (2) six occurrences attested in the YVic mantras: *anu-tápyamānāḥ* MS^m 2.3.8:37.1 ≈ *anu-tapyá-mānā* TS^m 3.2.8.2, *lupyáte* TB^m 2.8.8.2,¹¹ *ava-śīyánte* TB^m 3.12.7.2–3^{3x}. One may assume that the accent shift in some YVic dialects was completed by the beginning of the Brāhmaṇa period, while the mantras attest the transitional period and vacillation in accent placement.
- (3) four exceptions in the last chapters of book 14 of the ŚB [= BĀU] (*kṣīyate* ŚB 14.4.2.28 [= BĀUM 1.4.28], *kṣīyeta* ŚB 14.4.3.7 [= BĀUM 1.5.7],¹² *jīyate* ŚB 14.4.3.23 [= BĀUM 1.5.23 = BĀUK 1.5.15], *śīryate* ŚB 14.6.9.28 [= BĀUM 3.9.28] = ŚB 14.6.11.16 [= BĀUM 4.2.6] = ŚB 14.7.2.27 [= BĀUM 4.4.27]) must be due to the late character of the text, which not infrequently gives erroneous accents; cf. *īyāmāna-* ŚB^v 14.7.1.14 [= BĀUM^v 4.3.14], *manyásai* ŚB 14.6.9.26 [= BĀUM 3.9.26], *manyáte* ŚB 14.9.2.7 [thus mss.; ed. Weber *mányate*], *sájyate* ŚB 14.6.9.28 [v.l. apud ed. Weber].
- (4) for *śīya-te*, there may have existed additional semantic rules which determined accent placement in some usages, see Kulikov 2011, s.v. for details.
- (5) only four exceptions seem unmotivated: *ṛdhyáte* TS 1.5.2.2, *hīyate* ŚB 3.6.2.14 ≈ 3.6.2.15, *apakṣīyáte* and *ā-pūryáte* in TB 1.5.10.5.

4.3. Instances of semantically motivated accent shift

To sum up, for the majority of *'-yá*-presents the accent fluctuation does not involve any semantic or syntactic features. Thus, the standard explanation of the accent shift in *-yá*-passives as motivated by the non-passive (reflexive or anticausative) syntax¹³ finds no or little support in the linguistic facts. The only clear instance of an opposition correlated with the place of accent is *pácyá-te*, employed in the sense ‘be cooked’ or ‘ripen’, depending on its accentuation (on the suffix vs. on the root; for references, see Kulikov 2001, 2011, s.v.). This correlation seems to hold true only for the language of the RV, however (where, incidentally, the root accentuation is attested only once, at RV 1.135.8, against three instances of suffix accentuation). Note, furthermore, that the semantic opposition ‘be cooked’ ~ ‘ripen’ does not amount to the passive/non-passive distinction, but suggests an idiomatic change (lexicalization).

Another instance of semantic motivation may be *dáhyá-te*, which occurs with the root accentuation in the RVKh. (‘burn [by itself]’) and with the suffix accentuation in the Vedic prose (TS, MS–KS, ŚBK) (‘be burned [by fire]’), but this semantic distinction is too subtle and evidence rather scant. Besides, four of the five occurrences follow the accentual patterning attested for verbs of destruction, the only exception being TS 5.5.2.3 *dahyámānā*.

4.4. Semantics of the *'-yá*-presents

The middle *-ya*-presents with fluctuating accentuation represent, in a sense, a ‘bridge’ between *-yá*-passives and non-passive middle *'-ya*-presents. This small class reveals a remarkable semantic and structural similarity.¹⁴

¹¹ The suffix accentuation of *lupyáte* could also be triggered by the adjacent *-yá*-passives appearing in the same passage.

¹² This occurrence belongs to the first group of exceptions as well.

¹³ Cf. Pāṇini’s sūtra 6.1.195 *acaḥ kartṛ yaki* ‘before [the passive suffix] *-ya-* [in verbs with the roots ending] in a vowel (*aC-*) [the root optionally bears the accent if the verb is employed] in the reflexive [usage]’.

¹⁴ For a discussion of the semantic features of the *'-yá*-presents, see Kulikov 1998a, 1998b.

The main subclass of the $\acute{y}\acute{a}$ -presents can be defined in semantic terms as follows. A good deal of these verbs denote processes of spontaneous **destruction**: breaking, bursting (in the Brāhmaṇas often said of sacrificial vessels), splitting, as well as destruction in general ('disappear', 'perish', etc.), cf. *kṣīyá-te* 'perish, disappear'; *chidyá-te* 'break, cut off'; *dīryá-te* 'crack, split, burst'; *bhidya-te* 'break, split'; *mīyá-te* 'damage, perish'; *lūpyá-te* 'damage, tear'; *śīryá-te* 'break, collapse'. The definition of another subclass (*mūcyá-te*, etc.) poses some problems. Intuitively, the meanings of *mucyate* 'becomes free', *śīyate* 'falls', *śiṣyate* 'is left over', etc. are rather close to the semantic domain of destruction, but their common denominator is difficult to capture. Yet, one may argue that they all denote a process when an element ceases to be incorporated into a system or structure — for instance, some part(s) of an object break off and fall down — which, ultimately, results in the destruction of a system. Specifically, *mucyate* 'becomes free, is released' can be determined as 'ceases to be bound, included into a bound system'; *śiṣyate* 'is left over' and *hīyate* 'is abandoned, is left over' ≈ 'remains outside a structure'; *śīyate* 'falls (out)' ≈ 'ceases to be included into a structure through falling out of it'. At first glance, *ṛdhyate* 'is successful, fulfilled, goes well' does not belong to this semantic type; but its meaning changes to the opposite in compounds with the preverb *vī*: 'is deprived of [a property], loses', i.e. 'ceases to be connected with some (structural) elements'; cf. *jīyate* 'suffers loss', which is very close. *ricyate* belongs here both when employed as a simplex ('is emptied' ≈ 'is deprived of its content') and with the preverbs *āti*, *prá* ('surpasses, is redundant' ≈ 'goes beyond the scope of a structure'; 'is left over'). For this subgroup I propose the tentative label 'verbs of **destructuring**'.

In my view, we are able to determine an even more general semantic feature which encompasses the meanings of both 'destruction' and 'destructuring'. All these verbs denote spontaneous "fatal" processes which result in destroying some natural or artificial system or organism, and, to put it in general terms, in the **entropy increase**.¹⁵

In this semantic perspective, instructive is the present *śīyá-te*, whose semantics does not amount to falling down. In one of its usages, *śīyá-te* refers to a particular kind of falling, which accompanies natural decay, growing old: falling out of hairs, teeth, etc., i.e. typical instances of entropy increase. Cf. also JB 1.1 *bhasmāvaśīyate* 'some borings fall down [from the piece of kindling wood being churned]', on which Bodewitz (1973: 21f., note 4) comments that "*bhasma* refers to wooden dust falling of the wood sticks during the churning, a product of **erosion** [emphasis is mine. — L. K.]" — again, a typical instance of entropy increase.

The verb *pṛ̥* 'fill' cannot be included into the class of 'entropy increase' verbs in any of its usages. Yet, in the compound with the preverb *á* it functions as the counterpart of an 'entropy increase' verb, *kṣī* (with the preverb *ápa*): *á-pṛ̥* 'wax' and *ápa-kṣī* 'wane' denote opposite changes of the half-moon.

The semantic affinity of the 'entropy increase' verbs is also supported by the fact that they often co-occur in texts. To mention a few passages: TB 1.5.10.5, ŚB 1.7.2.22, 2.1.3.1, 2.4.4.18, 19, 8.4.1.10, 10.4.2.17 (co-occurrence of *ápa-kṣī* and *á-pṛ̥*); PB 6.7.15 (*ava-chid*, *vy-ṛdh*, *jī*); TS 7.2.1.4, MS 1.6.10, 1.8.7, AV 10.1.32 (*muc*, *hā*); ŚB 3.1.1.3 (*(abhy)āti-ric*, *śiṣ*), TS 3.2.9.5, AB 6.2.6 (*lup*, *hā*).¹⁶

The second, smaller, semantic class of $\acute{y}\acute{a}$ -presents includes three verbs of heating: *tápyá-te* 'heat, suffer', *dáhyá-te* 'burn', *pácyá-te* 'cook; ripen'.

¹⁵ For a detailed discussion of this semantic feature, see Kulikov 1998a.

¹⁶ Cf. Gonda 1959: 204.

4.5. Paradigmatic features

The most remarkable paradigmatic feature shared by the *'-yá*-presents of entropy increase is their opposition to transitive-causative presents with nasal affixes (cf. *kṣīyáte* — *kṣiṇāti*, *kṣiṇóti*, *chidyáte* — *chināti*, *lúpyáte* — *lumpāti*, etc.). By contrast, the three *'-yá*-presents of heating are opposed to class I presents (*tápyá-te* — *tápa-ti*, *dáhyá-te* — *dáha-ti*, *pácyá-te* — *páca-ti*); for details, see Kulikov 2011, chapter C.III.2.

It seems that the paradigmatic similarity of the *'-yá*-presents could be an important feature of this verbal class, which supported their semantic affinity and, in some cases, could even trigger the rise of secondary transitive presents with nasal suffixes for some *-ya*-presents of this class; cf. such formations as *śináṣṭi*, *śiṃṣati*.

4.6. Phonological similarity

Some types of phonological structures are particularly common among the *'-yá*-presents of entropy increase, while some others are unattested. Specifically, five stems (one third) show the structure *Cīya-*, four stems belong to the type *CiCya-*, three stems show the structure *Ciūrya-*. By contrast, all the three verbs of heating are derived from *CaC* roots, uncommon among verbs of 'entropy increase'. It is of course impossible to posit a strict correlation between phonological structures and semantic classes; however, the phonological similarity could additionally support the structural affinity of the verbs in question¹⁷ and cause accent shift in some *-ya*-presents of similar structures, even in spite of different semantics, in particular, in *-vīyante* 'are impregnated' TS 6.1.7.1 (*√vyā/vī*), *īyámāna-* 'speeding, driving' (*√yā*) MS^m 2.6.11:70.12, v.1. [three mss.], ŚB^v 14.7.1.14 = BĀUM^v 4.3.14); cf. esp. the parallelism *vyā/vī*, *yā/ī* ~ *jyā/jī*.

4.7. Accent fluctuation of the type *múcyá-te* / *mucyá-te* in a diachronic perspective

The features shared by the *'-yá*-presents (semantics, non-passive syntax, opposition to transitive nasal presents, partial phonological similarity) belong to different layers of the language structure and are essentially independent of each other. This implies that the similarity of *'-yá*-presents cannot be mere coincidence, and they form a morphologically relevant verbal class, rather than a random group. Their semantics (entropy increase, heating) seems to be the main parameter organizing these verbs to a structural class and, eventually, determining their properties. For instance, this feature could trigger the emergence of the nasal presents *śináṣṭi*, *śiṃṣati* (Br. +), built as transitive-causative counterparts of *śíśyá-te*.

The 'entropy increase' semantics could also influence the accentual behaviour of a *-ya*-present even in the cases where it was registered only with some preverbs; cf. *śdhya-te* 'be successful', which changes its meaning to the opposite ('be deprived, lose') in compounds with *vī*, and therefore follows the accentual pattern of the verbs of entropy increase. The same explanation probably holds true for the suffix accentuation of the non-passive *vi-lipyáte* (MS) 'comes unstuck [and falls off]' (~ simplex *lipya-te* 'stick, smear').

¹⁷ Recall the old theory of 'rime-words' and 'rime-ideas' (Reimwortbildungen) (Bloomfield 1895; Wood 1907/1908; Güntert 1914: 30ff. [on *chid/bhid*]; 65f. [on *kṣī/mī*]). Note, incidentally, that the first of Wood's lists of rime-words (op.cit., 142f.), labelled 'dwindle' group, includes all the five aforementioned *Cīyá-* presents of the 'entropy increase': *kṣīyate*, [*jīyate*] (Wood gives only the nasal present *jināti*), *śīyate*, *mīyate*, *hīyate* (though Wood does not mention accent fluctuation).

Furthermore, the parallelism between $\acute{a}p\bar{g}$ ‘wax’ and $\acute{a}pa-k\check{s}\bar{i}$ ‘wane’ (the latter of which belongs to the ‘entropy increase’ type) has probably triggered changes in accent patterning of $-p\acute{u}ry\acute{a}^{-te}$, in spite of the fact that this present does not show any meaning related to entropy increase.

On the other hand, some middle $-ya$ -presents with the root accentuation were not grouped with the $\acute{y}\acute{a}$ -presents (and hence did not change their accentuation) if their semantic affinity with the entropy increase class was not supported by other features. Thus, for instance, $p\acute{a}dya^{-te}$ ‘fall’, albeit similar to $\acute{s}\acute{i}y\acute{a}^{-te}$ in meaning, does not show other features of the $-ya$ -presents referring to ‘entropy increase’ (note, in particular, the root structure CaC and the lack of a transitive-causative counterpart with the nasal affix) and does not change to $pady\acute{a}^{-te}$ in the dialects of the AV, MS and ŚB.¹⁸

The “intermediate” position of $\acute{y}\acute{a}$ -presents between $-y\acute{a}$ -passives and non-passive middle $\acute{y}\acute{a}$ -presents probably results from their peculiar semantics. Judging from their non-passive meanings and syntax (see above) as well as from their root accentuation in the Ṛgveda, originally these formations probably belonged with the class IV presents. Later on, in some contexts they could be re-interpreted as passives (in accordance with the scenario: ‘breaks’ → ‘is broken [by smb.]’; ‘becomes free’ → ‘is released’, or the like) and, due to the increasing productivity of the $-y\acute{a}$ -passives, undergo accent shift in several Vedic dialects — in particular, in the dialects of the AV, Maitrāyaṇī-Kāṭhaka and ŚB.¹⁹

The great number of exceptions in the Yajurvedic mantras and the root accentuation of $t\acute{a}pyam\acute{a}na-$ in the Vājasaneyi-Saṃhitā as against the prevalent suffix accentuation in the Śatapatha-Brāhmaṇa, which belongs to the same Vedic school (White Yajurveda), may point to the fact that the accent shift from the root to the suffix in the corresponding Yajurvedic dialects was only completed by the period of Vedic prose (Brāhmaṇas properly speaking).

5. Concluding diachronic remarks on the accentual history of Vedic $-ya$ -presents

5.1. The original accentuation of (middle) $-ya$ -presents

It is commonplace in Vedic studies to assume that all $-ya$ -presents, irrespectively of accentuation and diathesis (i.e. both $-y\acute{a}$ -passives and class IV presents), go back to one source,²⁰ and the correlation between accentuation and the passive/non-passive distinction is

¹⁸ Not counting three occurrences with suffix accentuation in the late ŚB (books 11 and 14).

¹⁹ Our knowledge of the Vedic dialectology is still rather poor (for a systematic treatment of the issue, see Witzel 1989), and we are thus far unable to draw any decisive conclusions on the localisation of the dialects in which this accent shift was operative. Nevertheless, relying upon Witzel’s preliminary outline, one might tentatively assume that one of the centres of this process was the Kuru region (KS, early ŚB), whereas the dialect(s) of the Pañcala (where the TS can be tentatively located) were more conservative and have preserved root accentuation.

²⁰ I will not discuss here at length the highly controversial issue of the origin of the present suffix $-ya-$. Suffice it to mention that the morpheme $-ya-$ must be historically identical in the middle class IV presents (with root accentuation) and $-y\acute{a}$ -passives, while some of the active $-ya$ -presents may go back to a different (denominative?) source. For a survey of possible sources of the present suffix $-ya-$ (resp. PIE $*-i\acute{e}/o-$), see, in particular, Lubotsky 1985 (who demonstrates that the PIE source of Ved. $\acute{s}u\check{s}$, i.e. $*H_2sus$, must be an adjective, not a verbal root); Barton 1986: 143, fn. 27 (“many of the $*i\acute{e}/o-$ -intransitives are doubtless denominal in origin”); Rasmussen 1993: 480ff.; and Kortlandt’s (1981: 127f.), who advocates the genetic relationship between Vedic $-i$ -aorists, $-áya$ -causatives and $-y\acute{a}$ -passives: the former may go back to “a deverbative noun of the type $*k\acute{w}ori$ [$>$ Ved. $(\acute{a})k\acute{a}ri$. — L. K.], which could

an Indo-Aryan innovation. See, for instance, F. M. Müller 1864: 582; Delbrück 1874: 168; J. Schmidt 1875: 256f.; Hillebrandt 1880: 342f. [= Kl.Schr., 606f.]; Speijer 1896: 49, §168; Brugmann 1902: 527f.; 1916 [Grundr.²]: 185; Reichelt 1902: 80; M. Leumann 1940: 231ff. [= Kl.Schr., 321ff.]; Gonda 1951: 7²¹ et passim; 1971: 90f.; Thumb/Hauschild 1959: 333ff.; Strunk 1967: 78. This assumption, based, above all, on the intransitivity of the majority of *-ya*-presents, immediately raises the question on the original place of accent: did they bear accent on the suffix or on the root? Evidence is controversial: the zero grade of the root may betray the original suffix accentuation, while the increasing productivity of *-yá*-passives and the archaic non-productive character of many class IV presents rather point to the root accentuation. Most scholars considered the root accentuation in the class IV presents secondary as against the suffix accentuation in *-yá*-passives; see already Benfey 1865: 1783 [= Kl.Schr. II, 141]; 1866: 196; Saussure 1877; Froehde 1881: 172; Diels 1913: 4.²² Very plausible is Kuryłowicz's (1952: 114f.) assumption that accent retraction to the root in class IV presents was due to the influence of class I presents with phonologically regular full grade root, thus: **asy-á-* → *ásya-*, **paśy-á-* → *pásya-*, etc. on the model of **gachāti* → *gáchati*, where *a* < **ṇ* has been reanalysed as full grade (Saussure 1879: 174 [= Rec., 163]);²³ cf. also Gonda 1951: 92 (“the accentual differentiation of the *-ya*-verbs was attended by a partial leaning towards other thematic root-accented presents”); 1971: 91.

On the other hand, Delbrück (1897: 435f.) argued for the opposite development (*'-ya-* → *-yá-*); cf. also Kümmel in LIV 637, note 2 [ad got. *þaurusjan** ‘dürsten’] s.v. **ters-*.²⁴ No doubt, the system of *-ya*-presents was subject to a number of analogical accent shifts of both kinds (*'-ya-* ↔ *-yá-*), even within the historical period; see Section 4 on *-ya*-presents with fluctuating accentuation and Kulikov 2011 on the supposedly passive origin of *-iṅgya-te* (*-áṅgya-te*) ‘move, stir’ and *írya-te* ‘move’.

The difference in accentuation between (middle) class IV presents and *-yá*-passives is clearly secondary. We can only speculate why the passive subclass has generalized the suffix accentuation (which probably was original), while non-passives have retracted accent to the root. This accent shift may have started in a few old non-passive *-ya*-presents, in which zero and full grade could not be distinguished (cf. *mányate*), or where the full grade was introduced instead of the phonetically impossible zero grade (as in *padyate* ← ***pdyáte*) or in order to avoid morphological opacity (*nahyatil-te* ← ***ahyátíl-te* < **ṇhíátíl-tai* (?) or *asyatil-te* ← **sṛátíl-tai*).²⁵ The root accentuation could be introduced for such presents in accordance with Saussure's rule (reformulated by Kuryłowicz for *-ya*-presents, see above) and subsequently generalized for all non-passives.

5.2. The genesis of accentuation of *-ya*-presents: a possible scenario

A possible relative chronology of accent shifts in the Vedic middle *-ya*-presents can be summarized as follows:

itself be used predicatively”, whereas causatives and *-yá*-passives are supposed to be derivatives from this noun. For a comprehensive survey of existing hypotheses, see also Kulikov 2011.

²¹ “... everybody knows the intimate connection between the *-yá-* class and the 4th present-class”.

²² Saussure (1879: 234 [= Rec., 219], with fn. 1) even assumed that the active *-ya*-present *raṅyáti* (with the irregular suffix accentuation) might be a trace of the original accent placement in this present type.

²³ Essentially the same hypothesis was already proposed by Froehde (1881: 172), albeit in a less explicit form.

²⁴ “Offenbar **tṣ-je-* mit verschobenem Akzent wie im Ved. (oder deutet dieser Fall auf grundsprachliches Alter des Wurzelakzents bei primären *je*-Präsentien?)”.

²⁵ Cf. LIV 227, note 2 s.v. **Hnedh-* and LIV 242f., note 4 s.v. **h₁es-*.

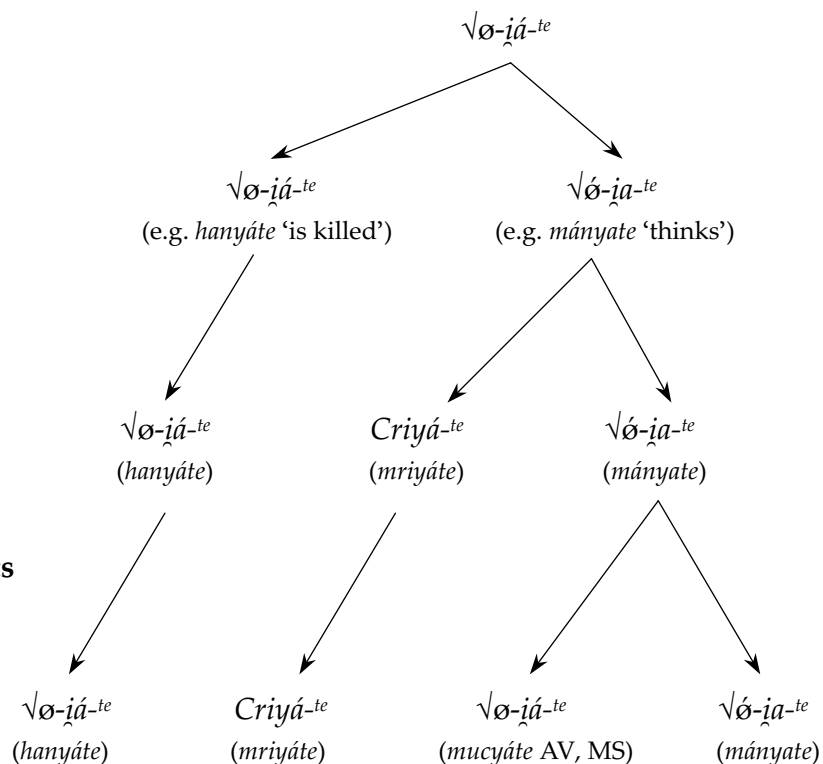
Proto-Indo-Aryan

I. Accent retraction
in non-passive *-ya*-presents.
Accentual differentiation
of *-yá*-passives and (middle)
non-passive *-ya*-presents

II. Accent shift
in the type *mriyáte*:
* $C\check{r}'\text{-}\check{i}\check{a}\text{-}$ → *Criyá-*

Old Indo-Aryan (Vedic) dialects

III. Accent shift in some
(middle) non-passive
-ya-presents (in the dialects
of the AV, MS–KS and ŚB)

Alexei Kassian

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Some considerations on Vedic *-ya*-presents

The paper by L. Kulikov consists of two parts: 1) detailed discussion upon the peculiarities of some specific Vedic verbal stems, and 2) reconstruction of the *-ya*-present pattern for Proto-Indo-Aryan. Below I will touch upon the second – comparative – portion of the paper (§5).

Kulikov discusses two functions of the Vedic *-ya*-suffix: medial present tense of the 4th class with non-passive intransitive function, i.e. the $\check{r}'\text{-}ya\text{-te}$ pattern (however, the frequent active $\check{r}'\text{-}ya\text{-ti}$ pattern is excluded from the analysis) and the regular passive forms of the $\check{r}'\text{-}yá\text{-te}$ pattern. The author concludes that the original Proto-Indo-Aryan pattern of the middle voice was $\check{r}'\text{-}yá\text{-te}$, which later split into two accentual and semantic types.¹

¹ Kulikov labels this proto-level as “Proto-Indo-Aryan”, but, in fact, some OPers. and Avest. evidence may prove that the

The only explication of such a split proposed by Kulikov is J. Kuryłowicz’s idea that non-passive mid-

grammaticalization of the *ya*-suffix as an exponent of the passive voice goes back to the Proto-Indo-Iranian level. On the contrary, if we reject OPers. and Avest. data, an accurate term should be “Proto-Vedic”, not Proto-Indo-Aryan in general. On the other hand, the Dardic language Shina shows the same grammaticalized passive voice in *-izh-* (= *-ij-*), Bailey 1924: 29, Schmidt & Kohistani 2008: 145 ff., 194 f. This fact should prove the Proto-Indo-Aryan antiquity of such a grammaticalization, if Shina *-izh-* does indeed contain **ya-* (as is suspected by V. A. Dybo, see his reply below, although I would rather suppose that Shina *-izh-* reflects an innovative formation in Dardic). Below, for the sake of convenience, I will use Kulikov’s term “Proto-Indo-Aryan” in regard to the grammaticalized passive voice in *-ya*.

In any case, it is important that such a grammaticalization is an inner Indo-Aryan (or Indo-Iranian) innovation. E.g., in the Balto-Slavic group (the closest linguistic relative of Indo-Iranian) *i*-praesentia normally seem to be associated with transitive or

dle verbs of the shape $*\sqrt{-yá^{-te}}$ changed into $\sqrt{-ya^{-te}}$ under the influence of the verbs of the 1st class (a repetition of Saussure's rule, which explains the shift 6th class > 1st class for roots with the synchronic vowel *-a-*). It is not clear, however, why this accent retraction affected non-*a*-roots (like *búdh-ya-te* '(a)wakes') and why *a*-forms with the passive semantics (like *han-yá-te* 'is killed') retained their suffixal accent.

Strictly speaking, Kuryłowicz's theory implies a rather complicated scenario, whose additional iterations have been omitted by Kulikov in his schema:

- 1) at the first stage all *a*-forms acquire root accent, regardless of their passive or non-passive meaning; i.e. $*han-yá-te > *hán-ya-te$, but non-*a*-forms like $*budh-yá-te$ remain untouched.
- 2) the passive voice then starts to grammaticalize, during which process, for some (e.g., statistical) reasons, the $*\sqrt{-yá^{-te}}$ pattern is chosen for the passive meaning. That is, the system of *ya*-verbs becomes rebuilt again: $*hán-ya-te > han-yá-te$ 'is killed' and $*budh-yá-te > búdh-ya-te$ '(a)wakes'.

On the other hand, if one feels obliged to reduce, by any means, the Proto-Indo-Aryan *ya*-verbs to a single accentual pattern, an alternative solution — with $*\sqrt{-ya}$ as a starting point — could be more likely.

- 1) Passive *ya*-stems are a productive and semantically transparent group of verbal forms with an innovative semantics (the passive voice is not reconstructed for IE), therefore, it is natural that the new marked pattern (namely, $\sqrt{-yá^{-te}}$) was introduced specifically for these forms rather than for the heterogenous and semantically various group of non-passive *ya*-verbs.
- 2) As is shown by Kulikov himself (§4), the shift from the $\sqrt{-ya}$ pattern to the $\sqrt{-yá^{-te}}$ one for non-passive forms is attested in available Vedic data (if one assumes that the RV dialect is more archaic than the AV one). In the light of this, $*\sqrt{-ya}$ as a starting point is a more economic scenario than $*\sqrt{-yá^{-te}}$.
- 3) Another Indo-Aryan branch, represented by the modern Shina language, normally demonstrates root accent in $*ya$ -forms — see the reply by V. A. Dybo below.

In actual fact, however, attempts to reduce the Proto-Indo-Aryan *-ya*-verbs to a single accentual pat-

agentive intransitive verbs. Thus, as *per* Аркадьев 2006, in Modern Lithuanian *ca.* 65% of verbs with the present and past tenses in *-i-* are transitive and *ca.* 30% — agentive intransitive; in their turn, *ca.* 80% of transitive verbs and *ca.* 90% of agentive intransitive verbs form the present and past tenses with *-i-*.

tern seem unsupported by any positive evidence. It is well known that, in regard to their accent, the verbal systems of Ancient Greek and Old Indian are almost totally levelled. This means that normally the place of accent of any verbal form is predictable from its grammatical features. On the contrary, Balto-Slavic languages demonstrate the opposition of two accentual paradigms ("immobile" and "mobile") in almost all verbal types.² In such a case the standard comparative approach is to consider the Balto-Slavic situation to be more archaic and Ancient Greek and Old Indian systems to be the results of various secondary processes. It is therefore possible that the Vedic *ya*-presence is a unique case where relics of an old accentual opposition within the OInd. verbal system can be traced.

Unfortunately, less than half of the OInd. *ya*-verbs with the accentual fluctuation listed in §4 possess reliable Balto-Slavic cognates, and only in a couple of cases the Balto-Slavic data are sufficient for accent reconstruction. Out of them one root possesses the dominant valency:

- 1) OInd. *tápyáte* 'heats; suffers' ~ Slav. $*topiti$ 'to warm (trans.)', a.p. *b*₂ (OCA: 113 and V. A. Dybo, pers. com.)³.

On the contrary, one root is clearly recessive:

- 2) OInd. *díryáte* 'cracks, is split' ~ Slav. $*dvr-ati$, $*dvr-ati$ 'to tear', a.p. *c* (Дыбо 1982: 215; OCA: 62).

The following cases are unclear:

- 3) OInd. *dáhyáte* 'burns' ~ Balt. $*deg-a$ 'to burn (trans., intr.)', Slav. $*žeg-ŕ$, $*žěž-etv$ (also $*žbg-ati$, $*žbg-ŕ$) 'to burn (trans.)'. The Baltic morphological type does not permit to establish the original valency of the root. In Slavic languages thematic verbs with the obstruent final also underwent a heavy accentual unification, but S. L. Nikolaev supposes that some new data may speak in favor of the original accentual paradigm *c* (OCA 1: 50).

² Particularly it concerns the Slavic *i*-praesentia, for which three accentual paradigms (*a*, *b* and *c*) are reconstructable in the case of roots with the non-obstruent final (OCA: 62–63); but the mobile accentual paradigm was indeed eliminated in verbs with the obstruent final, where only a.p. *a* and *b* are reconstructable (OCA: 64). On the contrary, V. A. Dybo (see his reply below) supposes that Slavic present stems of the a.p. *c* such as $*žu-i-ŕ$ 'to chew', $*ku-i-ŕ$ 'to hammer' etc. (OCA: 63) are secondary formations based on the more archaic forms $*žov-ŕ$, $*kov-ŕ$ etc. If it is really so (I am not sure, however), the Slavic present suffix *-iŕ-* can be assuredly reconstructed as a dominant morpheme.

³ A.p. *c* in Old Russian (Зализняк 1985: 140), where the old a.p. *b*₂ & *c* fell together.

In my opinion, however, the Slavic data is also unrepresentative in such a case.

- 4) OInd. *púryáte* ‘becomes full’ ~ Balt. **pilna-* ‘full’ (Lith. *pilnas* [secondary 3], Lett. *pīlns*), Slav. **pьlnь*, accentual paradigm *a* ‘full’. The Balto-Slavic stem **pīl-n-* is indeed dominant, but accentual characteristics of the suffix *-n-* can hardly be established, and, therefore, the valency of the root remains unknown.
- 5) OInd. *múcyáte* ‘becomes free’ ~ Balt. **maĩk-ia-* (trans.), **smaĩk-ia-* (trans.), **mu-n-k-a-* (intr.) ‘(verb

of motion)’, Slav. **mьkьŋti*, **mьčati*, **mykati* ‘(verb of motion)’. Both Baltic and Slavic morphological types do not permit to establish the original valency of the root.

- 6) OInd. *ricyáte* ‘is emptied’ ~ Balt. **liēk-* ~ **liēk-a-* ‘to leave’. The Baltic morphological type does not permit to establish the original valency of the root.

Thus, the available material is too scant for far-reaching conclusions.

В. А. Дыбо

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Относительно др.-инд. -ya-глаголов

Установление Л. И. Куликовым акцентуационных дублетов в формах презенса с основой на *-ya-* — важный результат исследования. Но полный ли это список? Необходимо получить полные списки подобных словоформ с явно пассивным значением. Следует иметь в виду, что все исторические и сравнительно-исторические грамматики страдают из-за отсутствия полных списков засвидетельствованных в памятниках словоформ. Мне представляется, что разделение *-ya-*словоформ на IV класс и пассив по акцентовке словоформ — явление искусственное, обязанное позднейшей грамматической спекуляции, а само наличие двух типов акцентовки *-ya-*словоформ имеет фонетическое (просодическое) объяснение. Конечно, два типа акцентовки этих словоформ, возникнув фонетически, в дальнейшем могли быть использованы для различения пассивных и медиальных значений. Это мое представление поддерживается следующими фактами:

Уже Б. Уилер обнаружил, что лишь две трети соответствующих между собой имен в греко-арийском совпадают по своей акцентовке (Wheeler 1885). Он, правда, не придал этому существенного значения. Впервые на важность этого расхождения между языками, положенными в основу индоевропейской акцентологической реконструкции, было указано в совместном докладе Николаев & Старостин 1978. Были приведены следующие отклонения

в акцентовке древнеиндийских и греческих тематических имен¹:

1. др.-инд. *śankhá-* m., n. ‘Muschel’ ~ греч. κόγκος m., κόγκη f. ‘моллюск в раковине; раковина’ || KEWA III, 290—291; Frisk I, 889—890;
2. др.-инд. *śyenāḥ* m. ‘Raubvogel, Adler, Falke, Habicht’ ~ греч. ἰκτίνοϛ ‘вид хищной птицы’ || KEWA III, 385; Frisk I, 719;
3. др.-инд. *añkāḥ* m. ‘Biegung, Haken’ ~ греч. ὄγκος m. ‘Widerhaken des Pfeils, Klampe’, ‘загнутый конец стрелы’ || KEWA I, 19; Frisk II, 347;
4. др.-инд. *āntrām* n. ‘Eingeweide’ ~ греч. ἔντερον n. ‘кишка’, pl. ἔντερα ‘внутренности’; герм. **ēnþrō* pl. n. [> др.-исл. *innr*, *iðr* pl. n. ‘внутренности’]; слав. **ĕtrā* > **etrā* || KEWA I, 74, 36, 35; Frisk I, 524—525; Barber 1932: 46; ср. Иллич-Свитыч 1963: 122;
5. др.-инд. *kumbhāḥ* m. ‘Topf, Krug’ ~ греч. κύμβος m. ‘Hohlgefäß, Schale’, κύμβη f. ‘чаша’ || KEWA I, 234; Frisk II, 48;
6. др.-инд. *cakrāḥ* m., *cakrām* n. ‘Wagenrad’ ~ греч. κύκλος m. ‘круг, колесо’, pl. также κύκλα;

¹ См. также эти списки в переработанном С. Л. Николаевым виде в ОСА 1: 70 ссл. Здесь приводится дополнительный по сравнению с названными источниками этимологический разбор.

- герм. **lvēlvula-* < **k^uékulo-* (др.-исл. *hjöl*, др.-англ. *hwēol*), дат. *hjul* [ju:l] ‘колесо’ || KEWA I, 366; Frisk II, 44—45;
7. др.-инд. *udrāḥ* m. ‘ein Wassertier’ ~ греч. ὕδρος m. ‘водяная змея’, ὕδρα f. ‘гидра’; лит. *údra* (1) ‘выдра’, слав. **vǫdrā* (а.п. а) ‘выдра’: русск. *вѣдра*, укр. *вѣдра*, блр. *вѣдра*, болг. *вѣдра*, схрв. *вѣдра*; но лит. диал. *údras*, ном. pl. *údrai* (3) ‘выдра’ (Tiž, II, 474), лтш. *údrs* и *údris* ‘выдра’ || KEWA I, 104; Frisk II, 957;
8. др.-инд. *kandarāḥ* m., *-ām* n., *-ī*, *-ā* f. ‘Höhle, Schlucht’ ~ греч. κάνδαλοι κοιλώματα, βάθρα (Hes.) ‘впадины, полости; основания’ || KEWA I, 152;
9. др.-инд. *gandharvāḥ* m. Name eines mythischen Wesens ~ греч. κένταυρος m. ‘кентавр’ (фонетика последнего слова, видимо, изменена по аналогии с ταῦρος) || KEWA I, 321; Frisk I, 819—820;
10. др.-инд. *sarabhāḥ* m. eine Hirsch-Art ~ греч. κίραφος · ἀλώπηξ (Hes.) ‘Fuchs’ || KEWA III, 305; Frisk I, 857;
11. др.-инд. *karāṇā* f. ‘Raupe’ ~ греч. κάμπη f. ‘Kohlraupe, Seidenraupe’ (< **kṛp.nā*, KEWA I, 154) || KEWA I, 154; Frisk I, 774;
12. др.-инд. *stupāḥ* m. ‘Schopf, Haarschopf’ ~ греч. στύππη f. ‘Werg, grober Flachs’, также στύπος = στύππη (κάλοι ἀπὸ στύπου Gal.) || KEWA III, 516; Frisk II, 814;
13. др.-инд. *darbhāḥ* m. ‘Grasbüschel, Buschgras’ ~ греч. δάρπη · σαργάνη, κόφινος (Hes.) ‘Korb’ (контаминация *τάρπη* и **δάρφη*, Güntert 1927: 347) || KEWA II, 23; Frisk I, 350;
14. др.-инд. *juā*, *jiā* f. ‘Gewalt, Macht’ ~ греч. βίᾱ, βίη f. ‘Kraft, Gewalt’ || KEWA I, 448; Frisk I, 235;
15. др.-инд. *dhākāḥ* m. ‘Behälter’ ~ греч. θήκη f. ‘Behältnis, Kasten, Grab’ || KEWA II, 96; Frisk I, 670;
16. др.-инд. *divyāḥ*, *diviyāḥ* adj. ‘göttlich, himmlisch’ ~ греч. δῖος adj. ‘zum Himmel gehörig, göttlich’ || KEWA II, 43; Frisk I, 396—397;
17. др.-инд. *saptamā-* adj. ‘седьмой’ ~ греч. ἕβδομος adj. ‘der siebente’ || KEWA III, 431; Frisk I, 435;
18. др.-инд. *katarāḥ* ‘welcher von zweien’ ~ греч. πότερος, ион. κότερος ‘welcher od. wer von beiden?’; герм. **lvāparaz* ~ **lvēparaz* (< **lvāparaz* ~ **lvēparaz*) adj. pron. (гот. *lvapar* ‘wer von beiden?’; др.-англ. *hwæder*, *hweder*; др.-сакс. *hwedar*, др.-в.-нем. *hwedar* ‘wer von beiden?’); слав. **kōtorь* > **kotōrь* || KEWA I, 148; Frisk II, 586; Orel 2003: 199; Feist 1939: 283; БЕР 2: 679—680.

Сомнительно предполагаемое авторами отношение к этой группе: др.-инд. *dhūmāḥ* m. ‘Rauch’ ~ греч. θύμος m., θύμων n. ‘Thymian’ (авторы не принимают сближения с греч. θῦμός m. ‘Geist, Mut, Zorn, Sinn’) || KEWA II, 109; Frisk I, 693. Так как авторы не дали альтернативной этимологии греч. θῦμός, которая бы надежно устраняла эту форму из традиционного сближения, она остается как первичная, а лат. *fūmus* m. ‘Rauch, Dampf, Qualm, Brodem’ может рассматриваться как дополнительный пример действия закона Хирта в латинском.

Я не привожу в [Дыбо в печ.] атематических основ, в которых различие древнеиндийской и греческой акцентовок может объясняться генерализацией разных акцентовок подвижной акцентной парадигмы, и форм *-i-* и *-u-*склонений, значительное количество разных акцентовок этих имен, устанавливаемых в германских языках по рефлексации согласно закону Вернера, вызвало предположение о наличии первично подвижного акцентного типа у этих имен, в дальнейшем «генерализировавшегося» в окситонезу или баритонезу.

В дальнейшем С. Л. Николаев, изучив акцентовку древнеиндийских производных имен с суффиксами I (доминантного) класса, пришел к выводу, что эти имена получали конечное ударение, если их корни относились также к I (доминантному) классу, см. ОСА 1: 53 ссл. Так как класс суффикса, по-видимому, определялся просодической характеристикой тематического гласного, включенного в данный суффикс, С. Л. Николаев рассмотрел акцентовку установленных С. А. Старостиным древнеиндийских *nomina activa* и *nomina passiva*, у которых роль суффикса играл тематический гласный, и соответствующих им греческих девербатов, что позволило ему создать следующую схему акцентовок при различных сочетаниях морфем (подчеркнута позиция, где греческая акцентовка отличается от древнеиндийской):

Сочетание морфем (корень + суффикс)		Древнеиндийский	Древнегреческий
I	I	oxytona	barytona
I	II	barytona	barytona
II	I	barytona	barytona
II	II	oxytona	oxytona

Общее правило таково: в греческом баритонированной является любая форма, где содержится морфема I кл., в древнеиндийском же баритонированными являются лишь формы, состоящие из морфем различных классов.

(Обоснование принципиально другой акцентологической концепции см. в Lubotsky 1988 и Лубоцкий 1991. Обсуждение теории А. Лубоцкого, впрочем, выходит за рамки настоящей заметки.)

Греческий в этом отношении близок к балто-славянскому, в котором формы-энклиномены могут состоять лишь из морфем II класса, а присутствие в форме доминантной морфемы определяет ее ортотонический статус (ОСА 1: 69). С. Л. Николаев относит время возникновения этой акцентологической особенности древнеиндийского, по-видимому, еще к периоду индоевропейских диалектов, считая, что эту же особенность разделяет с древнеиндийским прагерманский, чему однако противоречат: 1) герм. **lvéhvula-* < **k^wék^wlo-* (при греч. κύκλος m., pl. κύκλοι и κύκλα, но др.-инд. *cakrá-* m., n. ‘колесо’), 2) герм. **énþrō* pl. n. (при греч. ἔντερο-ν ‘кишка’, pl. ‘внутренности’, но др.-инд. *āntrá-* n. ‘entrail’, ‘внутренности, кишки’ RV, *antrá-* n.), 3) герм. **lváþaraz* ~ **lvéþaraz* (при греч. πότερος, ион. κότερος ‘welcher od. wer von beiden?’, но др.-инд. *katarāḥ* ‘welcher von zweien’).

Дардский язык шина (Shina, Şiṅā) довольно последовательно сохраняет древнеиндийскую акцентировку имен и глаголов. Эта особенность характерна, по-видимому, еще для нескольких дардских и кафирских языков, но они плохо или недостаточно подробно описаны. Только шина (диалект гильгит) имеет грамматику и более или менее приличный словарь с отмеченным местом ударения (Bailey 1924). В 1972 году я опубликовал краткую статью «О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках» (Дыбо 1972). Знакомясь с новыми публикациями по дардским и другим индоиранским языкам, я обнаружил ряд работ, подтверждающих тональный характер ударения долготных слогов в шина, что заметил еще Бейли, и поддерживающих мою гипотезу о причинах возникновения тональных различий в дардских языках, предложенную в той же статье, в результате исследования системы тональных оппозиций в языке дамели. К сожалению, в этих же публикациях обнаружилось полное незнание моей работы и явное игнорирование результатов и проблем сравнительно-исторической и исторической акцентологии (что характерно для синхронистов, воспитанных на якобы Соссюровском «Курсе общей лингвистики»²). Поэтому я счел необходимым

² Мое отношение к этой работе определяется тем, что я не могу представить себе, что Ф. де Соссюр мог дойти до такой степени отчаяния, чтобы в теоретическом курсе отказаться от результатов своих сравнительно-исторических исследований, свидетельствующих о достаточно строгих про-

опубликовать в более полном виде материалы и результаты моих исследований по акцентной системе языка шина в работе «Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии» (ниже [Дыбо в печ.]). В этимологизируемом ныне словарном составе языка шина (диалект гильгит) по словарю [Bailey 1924] обнаруживается около 90 баритонированных существительных, соответствующих баритонированным именам древнеиндийского, и около 50 окситонированных существительных, соответствующих окситонированным именам древнеиндийского. По материалам [Bailey 1924] в шина различные акцентные типы у первичных прилагательных не обнаруживаются. Это, по-видимому, объясняется тем, что прилагательные в шина согласуются с существительными в роде и числе, но не в падеже, что, возможно, облегчило генерализацию накоренного ударения в этих формах. Возможно, однако, что тонкие отличия акцентовки исторически окситонированных форм от баритонированных были просто не замечены аудиторами. Среди баритонированных существительных шина обнаружено 7 имен, которым в ведийском соответствуют имена с сваритой в конце слова, это преобразование согласуется с подобным же в системе Шатапатхабрахманы.

Ряд баритонированных имен шина характерен тем, что в ведийском им соответствуют окситонированные имена, но в греческом, балто-славянском и в германском им соответствует баритонеза. Показания шина могут свидетельствовать о том, что древнеиндийская окситонеза этих имен является лишь чертой ведийского, но не индоиранского и даже не индоарийского³.

1. Sh. (jj.) *ózi* ‘entrail’ ~ др.-инд. *āntrá-* n. ‘entrail’, ‘внутренности, кишки’ RV, *antrá-* n. Suśr. (ср. др.-инд. *ántaraḥ* ‘der innere, nähere’) || но ср. греч. ἔντερο-ν ‘кишка’, pl. ‘внутренности’; герм. **énþrō* pl. n. [> др.-исл. *innr*, *iðr* pl. n. ‘внутренности’]; слав. **čtrā* > **čtrā* [схрв. *jětra* ‘печень’, диал. чак. (Нови) *jětra* pl. n. ‘внутренности’; чеш. *játra*] || Turner I, 53 (1182); KEWA I, 36, 35; Pok. 313;
2. Sh. Gil. *cārkū*, gen.sg. *cārkāi*, pl. *cārkē*, gen. *cārko* m. ‘колесо для прядения, колесо, круг для

цессах преобразования языковых систем. Я думаю, что эта лакуна является результатом реконструкции Курса изданиями (при всем моем уважении и восхищении Ш. Балли и А. Сеше).

³ Нижеследующий список приведен также в [Дыбо в печ.]; здесь он снабжен дополнительными комментариями.

- точки сабли' [cārḱ-ū-ě-āi-o, m., spinning wheel, wheel, machine for sharpening sword] ~ др.-инд. *cakrā-* m., n. 'колесо' || но ср. греч. κύκλος m., pl. κύκλοι и κύκλα 'круг, окружность; колесо (pl. только κύκλα); обруч, обод, кольцо; диск', герм. **hēlvula-* < **k^wék^wlo-* (др.-исл. *hjól*, др.-англ. *hwēol*), дат. *hjul* [ju:'l] 'колесо', при подвижности в лит. *kāklas* 'шея' (4 а.п. с др.-лит., см. Иллич-Свитыч 1963: 50; впрочем, вряд ли можно считать опечаткой форму *kāklū* в Библии 1755 г., два раза повторенную в тексте, которая указывает на 2 а.п.) || Bailey 1924: 135a; Turner I, 246 (4538); KEWA I, 336;
3. Sh. Gil. *ūžy*, pl. *ūžy* m. 'выдра' [ūž-ū-ě, m., otter] ~ др.-инд. *udrāḥ* m. 'водяное животное (краб или речная выдра)' (ср. также др.-инд. *udān*, loc. *udāni*, gen. *udnāḥ* 'Wasser' ~ греч. ὕδαρ, loc.sg. ὕδατι, gen.sg. ὕδατος 'Wasser') || но ср. греч. ὕδρος m. 'водяная змея' или 'уж', ὕδρα f. 'гидра', лит. *údra* (1) 'выдра', слав. **vŭdrā* (а.п. а) 'выдра': русск. *вѣдра*, укр. *вѣдра*, блр. *вѣдра*, болг. *вѣдра*, схрв. *вѣдра*; но лит. диал. *údras*, ном. pl. *údrai* (3) 'выдра' (Tiž, II, 474), лтш. *údrs* и *údris* 'выдра' || Bailey 1924: 168; Turner I, 96 (2056); KEWA I, 104, Frisk II, 957—959;
4. Sh. Gil. *āzu*, gen.sg. *āzei*, pl. *āze*, gen. *āzo* adj.; n., m. 'туча, облако, дождь; мокрый, дождливый, влажный' [āz-ū-ě-ēi-o, adj. n.m., cloud, rain, wet, damp], [Radl. II, 59: *āze* 'rains']; pales. *āzu* ~ др.-инд. *abhra-* n. (редко m.) 'cloud, rainy weather' RV || но ср. греч. ὄμβρος m. 'Regen, Regenguß, Gewitterregen; Regenwasser; das Naß' < **ómbhro-s* (ср. лат. *imber*, -*bris* m. 'Regen, Regenguß, Platzregen) || Bailey 1924: 130b; Turner I, 25 (549); KEWA I, 43; Frisk II, 384—385; WH I, 680—681;
5. Sh. Gil. *kāt*, gen. *kātai* m. 'лес, дерево, древесина' [kāṭ- gen. -āi, m., wood] ~ др.-инд. *kāṣṭhām* (при варианте *kāṣṭham* KEWA) 'полено' || но ср. греч. κάστων · ξύλον (< **kalstom*, из-за греч. κάλον, κῆλον < **καλσον*, по Пизани) || Bailey 1924: 146b; Turner I, 159 (3120); KEWA I, 205;
6. Sh. Gil. *piṭū*, pl. *piṭē* m. 'спина, задняя часть' [piṭ-ū-ě, m., back] ~ др.-инд. *piṣṭhām* n. 'спина, хребет, верхняя часть, верх' || но ср. лит. *piṣtas* 'палец, палец ухвата' (2 а.п., представлена повсеместно по диалектам, первоначально n., см. Иллич-Свитыч 1963: 52), слав. **prstь* (а.п. d или b, см. Иллич-Свитыч 1963: 128) || Bailey 1924: 158; Turner I, 474 (8371); KEWA II, 338; Fraenkel I, 598;
7. Sh. Gil. *gīri*, pl. *gīryē* f. 'скала' [gīr-i-yē, f., rock (ī is ī long)] ~ др.-инд. *gīriḥ* m. 'скала, гора' || но ср. афг. *gar* m. 'гора' (barytonum, окситонированная форма отразилась бы как **γrā*), слав. **gora* (а.п. b): др.-русск., чеш. диал. *hůra*, польск. *góra*, лит. *girià* (2) 'лес', диал. *girė* (2) || Bailey 1924: 141a; Turner I, 223 (4161); KEWA I, 335; Fraenkel I, 153;
8. Sh. Gil. *jip*, gen.sg. *jibāi*, pl. *jibē*, gen. *jibo* f. 'язык' [ji-p -bē-bāi-bo, f., tongue (not used for "language")] ~ др.-инд. *jihvá* f. 'язык' (ср. также др.-инд. *juhúḥ* f. 'Zunge') || но ср. афг. *žāba* f. 'язык' (< **zāba* < **izba* < **hizbā* < **hizvā*, но может быть и заимствованием из новоиндийских, как предполагал Гейгер) || Bailey 1924: 145; Turner I, 288 (5228); KEWA I, 436—437, 442;
9. Sh. Gil. *bōi*, pl. *bōyē* f. 'рукав' [bō'-i -yē, f., sleeve] ~ др.-инд. *bāhú-* m. (f. lex.) 'arm' RV, *bāhā-* f. Ур. || но греч. πῆχυς m. 'предплечье, рука'; однако ср. афг. *wāzā* f. 'сажень (мера длины, равная 2,134 м.), шаг (коня)', что поддерживает сомнения в тонологическом объяснении, высказанные выше || Bailey 1924: 133b; Turner I, 521 (9229); KEWA II, 429;
10. Sh. Gil. *yōr*, gen. *yōrai*, pl. *yōre*, gen. *yōro* f. 'мельница (водяная)', [yōr (nasal vowel) yō'r -e -āi-o f., large watermill], [Buddr. 1996: *yōr* f. 'Wassermühle']; ср. также Dm. *žān* 'мельница', нисходящий тон свидетельствует о первоначальной баритонезе ~ но ср. др.-инд. *yantrā-* n. [yām-] 'controlling device' RV, 'any implement or contrivance' MBh., *yantraka-* n. 'handmill' Hcat.; см. ОСА 1: 59—60 (№3 и ведийские подтверждения доминантного характера корня); доминантность корня подтверждается и славянскими данными (Дыбо 2000: 264, 514) || Bailey 1924: 169a; Turner I, 602 (10412); KEWA III, 7; EWA II, 398;
11. Sh. Gil. *bēzi* f. 'ясная погода' [bēzi, f., fine weather], [Sh. (Lor.) *biji* f. 'clear sky', jij. *bīzi*] ~ др.-инд. *vīdhra-* n. 'clear sky, sunshine' AV.; *vīdhrya-* 'relating to the clear sky' VS., при *idhriya-* TS 4, 5, 7, 2; **vīdhriya-*; **vaidhriya-*. Рассматривается как *vi* + *idh-rā-* и сближается с греч. αἰθήρ, -έρος f., m. '(reine) Luft, (klarer) Himmel' и подобными, производными с глагольным корнем в греч. αἶθω 'anzünden': др.-инд. *inddhé* 'entzündet, entflammt', *édhah* m. 'Brennholz' = греч. αἶθος m. 'Brand'. Повидимому, из приведенных основ шина лишь Sh. jij. *bīzi* может быть непосредственно связано с др.-инд. *vīdhra-*, Sh. Gil. *bēzi* происхо-

- дит скорей из **vaidhríya-* и формально должно быть отнесено к первой группе аномальных баритонез || Bailey 1924: 133a; Turner I, 697 (12051); KEWA III, 237 и I, 88, 95, 128, 557; EWA I, 205; II, 568—569; Frisk I, 37—38;
12. Sh. Gil. *cūrkū*, gen.sg. *cūrkāi* n., m. ‘дрожжи’ [cūrkū, adj., sour, acid (1st ū rather narrow): as n., c., or ātāl c. masc., yeast : cūrkāi, leavened], [Turner: *čūrkū* m. ‘yeast’] ~ др.-инд. *cukrā-* ‘sour, sharp to the taste’; m. ‘a sour fruit drink (esp. of tamarind), vinegar’ Suśr.; ‘name of various sharp-tasting plants, e.g. sorrel’ < **quq-ró-* (KEWA предположительно связывает с др.-инд. *kucāti* ‘zieht sich zusammen, krümmt sich’) || Bailey 1924: 136b; Turner I, 264 (4850); KEWA I, 393, 219—220;
13. Sh. Gil. *bāgbiāru*, pl. *bāgbiāre* m. ‘леопард’ [bāgbiāṛ-ṛ-ḡ, m., leopard] ~ др.-инд. *vyāghrā-* m. ‘tiger’ AV.; пракр. *vaggha-* m. ‘tiger’. Традиционный анализ: (vi-)āghrā- = греч. ὠχρός ‘blaß-gelb’. Если, как считал Wackernagel (Unt. 234f.), греч. гомер. ὠχρός m. ‘Blässe’, ‘бледность’ (Г 35) является заменой первичного **ōχros* n., то мы имеем здесь образование с доминантным суффиксом **-ro-* || Bailey 1924: 130b; Turner I, 706 (12193); KEWA III, 274; EWA II, 593; Frisk II, 1153—1154;
14. Sh. Gil. *nōru*, pl. *nōre* m. ‘ноготь’ [nōṛ-ṛ-ḡ, m., nail (finger or toe)], [Buddr. 1996: *nóoro* m. “Fingernagel”. Pl. *nóorye* th. “sich die Nägel schneiden”] ~ но ср. др.-инд. *nakhará-* ‘shaped like a claw’ ŚB, m., n. ‘claw’ Pañcat., ‘nail-scratch’ Cat. Др.-инд. *nakhará-* — производное от доминантной (по второму слогу) основы *nakhá-* m., n. ‘nail (of finger or toe), claw’ RV. с доминантным суффиксом **-ra-* || Bailey 1924: 155a; Turner I, 397 (6920); KEWA II, 124; EWA II, 4; Frisk II, 398—399; WH II, 818—819; Fraenkel I, 478—479; Pok. 780;
15. Sh. Gil. *sūr*, pl. *sūri* m. ‘свинья’ [sūr-ṛ-ḡ, m., pig] ~ др.-инд. *sūkarāḥi* m. ‘boar’, ‘боров’, RV. *sūkarī-* f. ‘sow’ Yājñ. Образовано от основы **sū-ká-* с доминантным суффиксом **-ra-*. Наличие в индоевропейском этой основы подтверждается герм. **suzō* < **sūxá-* f. ‘sow’ (др.-англ. *sugu* f. ‘Sau’; др.-сакс. *suga*; ср.-н.-нем. *soge* ‘Sau’, нидерл. *zeug*) || Bailey 1924: 164; Turner I, 780 (13544); KEWA III, 490; EWA II, 738—739; Orel 2003: 385; Holthausen 1934: 329; Franck & van Wijk: 818; Pok.: 1038.
16. Sh. Gil. *chīri*, pl. *chīryē* f. ‘вымя’ [chīṛ-ṛ-ḡ, f., udder] ~ но ср. др.-инд. *kṣīrin-* ‘yielding milk’; пракр. *khīri-*, f. *°iñi-*. Рассматривается как образованное посредством суффикса **-in-* от основы *kṣīrá-* n. ‘молоко’. Эта основа индоиранская. Иранские соответствия: нов.-перс. *šīr* ‘Milch’, пехл. *šīr* ‘молоко’, курд., бел. *šīr* ‘молоко’; осет. **xšyr / axsīr* ‘молоко’, мундж. *xšīro*, в. *xšīrā* m. ‘молоко; молоко, сок (растения)’, идга *xšīra* m. ‘milk’ (Mrst. II, 270); авест. *apa-xšīrā-* название страны — «безмолочная». По-видимому, эту основу трудно отделить от авест. *xšvīd-* m. ‘Milch’ (*-v-*, возможно, под влиянием другого авестийского названия молока *xšvīpta-*), в этом случае индоиранская основа **kṣī-ra-* оказывается, вероятно, отглагольным производным с доминантным суффиксом **-ra-*. В. И. Абаев предлагает для производящего глагола корень **xšay-* ‘сиять’, связывая его с авест. *xšayeiti* ‘herrscht, besitzt’ = др.-инд. *kṣáyati* ‘herrscht, besitzt’; значение ‘сиять’ проявляется в производных: авест. *xšāeta-* Adj., f. *xšōiḍni-* ‘licht, strahlend, glänzend, herrlich’ || Bailey 1924: 136a; Turner I, 192 (3704); KEWA I, 290, 287; EWA I, 433, 438; Абаев IV 241—242, 233—234, 235;
17. Sh. Gil. *yāp*, gen.sg. *yābāi* f. ‘арык (канал для ирригации)’ [yāp, gen. yābāi, f., watercourse for irrigation] ~ др.-инд. *yavyā-* f. ‘stream’ Naigh. (in *yavyāvati-* ‘Name eines Flusses’ RV. 6,27,6, PB 25, 7,2). KEWA (III) рассматривает как производное с глагольным корнем **yu-* ‘sich bewegen’ и суффиксом *-yā-*, доминантный характер которого показывают балтославянские данные. Корень, вероятно, также был доминантным (презент по 2.кл.) || Bailey 1924: 168b; Turner I, 604 (10442); KEWA III, 11, 19; EWA II, 405; Pok. 507, 508, 511;
18. Sh. Gil. *būç*, *būch*, gen.sg. *būçāi*, pl. *būçi*, gen. *būço* m. ‘платан восточный (чинара)’ [būç-(h)-i-āi-o, m., chenar tree], [Turner: Sh. Gil. *būch*, *būç* m. ‘plane-tree’] ~ др.-инд. *vṛkṣá-* m. ‘tree’ RV.; пали *mālā-vaccha-* m. ‘an ornamental shrub or tree’. Связывается с основой *vālsā-* m. ‘Schößling, Trieb, Zweig’ RV. Баритонеза последнего указывает скорей всего на доминантность корня. Конечное ударение в ведийском *vṛkṣá-* в этом случае может свидетельствовать о доминантности суффикса *-sa-* || Bailey 1924: 133b; Turner I, 698 (12067); KEWA III, 242; EWA II, 572, 526—527;
19. Sh. Gil. *pāç*, gen.sg. *pāçāi* m. ‘пол месяца, две недели’ [pāç-, gen. -āi, m., half a month], [Turn.: ‘fortnight’] ~ но ср. др.-инд. *pakṣá-* m. ‘wing, feather, fin, shoulder, side’ RV, ‘side of a building’ AV., ‘party, troop’ MBh.; *pākṣas-* n.

- 'side' RV, 'side of door' VS., *paṅsaka-* m. 'side' Śiś., 'fan' Gal. По-видимому, < **pag-sa-* и связано с балтославянской группой: слав. *paṅs* : лтш. *paksis* 'Hausecke', слав. *pag-* (чеш. *paže*, в.-луж. *podpaža*), слав. **poxy* f. (русск. *пахва́*, pl. *пахви́*, *пахви́*; укр. pl. *nixvi*; схрв. *пѣви* pl.; чеш. *pochva*, *pochvy* pl.; польск. *pochwa*). Чередование гласных в славянском объясняется законом Винтера. Корень явно доминантный, о суффиксе см. в предшествующем примере || Bailey 1924: 155b; Turner I, 429 (7627); KEWA II, 184; EWA II, 62;
20. Sh. Gil. *jāzī*, gen.sg. *jāzāi* f. 'стригуший лишай' [jāz-ī, gen. -āi, f., ringworm] (с диссимиляцией < **dradr-* < *dadru-*) ~ др.-инд. *dadru-* m. 'cutaneous eruption' Suśr., °*rū-* Pāṇ. *vārtt.*, *dardū-*, *dardrū* Uṇ. com.; пали *daddu-* n. 'a skin disease'; пракр. *daddu-* m. 'ringworm' (рассматривается как редупликация от корня и.-е. **der(ə)-*; KEWA связывает с др.-инд. *drṇāti* 'birst, macht bersten, sprengt, zerreiβt') || Bailey 1924: 144b; Turner I, 351 (6142); KEWA II, 14, 59; EWA I, 701—703;
21. Sh. Gil. *nir*, gen.sg. *nirāi* f. 'сон' [nir (i very short), gen. *nirāi*, f., sleep] ~ но ср. др.-инд. *nidrā-* f. 'sleep' RV. Восходит к глаголу др.-инд. *drāti* 'schläft'. Может рассматриваться как сложение корня с доминантной приставкой, корень также доминантный || Bailey 1924: 155a; Turner I, 411 (7200); KEWA II, 76; EWA I, 757—758;
22. Sh. Gil. *dṛṇī*, pl. *dṛṇē* m. 'ручка, рукоять' [dṛṇ-ī-ē, m., handle (of polo stick, golf club, axe, carpenter's tools) ~ др.-инд. *daṇḍā-* m. 'stick, club' RV, 'handle' AB, 'control' ManuSmṛ., 'punishment' PB., 'stalk, stem' MBh.; пали *daṇḍa-* 'stem of tree, stick, handle, punishment'; пракр. *daṇḍa-*, *ḍa*° m. 'stick, &c.>'; предполагалось, < **dandrá-* при сравнении с греч. δένδρον n. 'Baum', сейчас это сравнение отвергается, так как первичным для греческого считается δένδρον, однако греч. δένδρον может отражать греко-арийскую инновацию, что возвращает нас к традиционному сближению. Принятие недоказанного мундского или дравидийского источника выводит основу из сравнения || Bailey 1924: 138b; Turner I, 350 (6128); KEWA II, 11—12; EWA I, 691—692; Frisk I, 365—366;
23. Sh. Gil. *dut*, gen.sg. *dūtāi* m. 'молоко' [dut- gen. -āi, m., milk] ~ но ср. др.-инд. *dugdhā-* n. 'milk' AV. [√*duh-*]; пали, пракр. *duddha-* n.; формально part. praet. pass. от глагола *dógdhi* 'melkt, melkt heraus, ziet heraus' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 139a; Turner I, 365 (6391); KEWA II, 66; EWA I, 747—748;
24. Sh. Gil. *dōṇu*, pl. *dōṇe* m. 'бык' [dōṇ-ṭ-ḡ, m., bull], [Buddruss 1996: *dóonei* gen.sg. 'des Ochsen'] ~ др.-инд. *dāntā-* 'tamed' TB, m. 'tamed ox' Rājat.; формально part. praet. pass. от глагола *dāmyati* 'ist zahm; bändig, bezwingt'; греч. δάμνημι 'bändige, bewältige' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 138b; Turner I, 359 (6273); KEWA II, 33—34, 35; EWA I, 698;
25. Sh. Gil. *nāṭe* m. pl. 'танец' [nāṭe doīkī, dance (nāṭe is m. pl.)] ~ но ср. др.-инд. *nṛttā-* n. 'dancing' AV. [√*nṛt-*]; формально part. praet. pass. от глагола *nṛtyati* 'tanzt' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 154b; Turner I, 427 (7580); KEWA II, 177—178; EWA II, 21—22;
26. Sh. Gil. *gṛṇ* m. 'запах, аромат' [gṛṇ, m., smell] ~ др.-инд. *gandhāḥ* m. 'запах, аромат, духи'. Индоиранская основа, словообразовательно связана с др.-инд. *dhūmāgandhi-* 'nach Rauch riechend' RV, *sugāndhi-* 'wohlichend' и с иранскими: мл.-авест. *gaiṇti-* f. 'übler Geruch', *duž-gaiṇti* 'übelriechend, stinkend', парф. *gnd'g* 'stinkend', ср.-перс. и нов.-перс. *gand* 'Ges-tank'. Др.-инд. *-dh-* может быть получен из глагольного презентного детерминанта || Bailey 1924: 141; Turner I, 214—215 (4014); KEWA I, 322; EWA I, 461—462;
27. Sh. Gil. *phīlīḥi*, gen.sg. *phīlīḥyēi*, pl. *phīlīḥyē*, gen. *phīlīḥyo* f. 'муравей' [phīlīl-ī -yē -yēi -yo, f., ant] ~ но ср. др.-инд. *pipīlā-* m. 'ant' RV, °*laka-* m 'large black ant' ChUp., *pipīlikā-* f. 'small red ant' AV., *pīlaka-* m. 'ant' lex.; **pipīlā-*, **pippīlā-*, **pīppīlā-*, **pīppīḍa-*, **pīlīlā-*. Индоевропейской этимологии нет || Bailey 1924: 157b; Turner I, 463 (8201); KEWA II, 284—285; EWA II, 132—133;
28. Sh. Gil. *bān*, pl. *bāni* m. 'линия на месте соединения сустава, частей ствола бамбука, сахарного тростника' [bān- -i, m., joint in body, in finger or toe (but not phalanx itself), in bamboo, sugarcane, etc.] ~ но ср. др.-инд. *bandhā-* m. 'bond' RV, 'damming' MārKP., 'custody' Mn., 'deposit, pledge' Rājat. Девербатив от глагола *badhnāti* 'bindet', хс. *baitti* 'wird gebunden, bindet sich' (< **badyati*, Konow 1941: 55), который, по-видимому, относится к I (доминантному) классу. Конечная акцентровка основы в ведийском объясняется доминант-

- ным характером суффикса (тематического гласного) deverбатива || Bailey 1924: 131a; Turner I, 515 (9136); KEWA II, 407, 406; EWA II, 208; Pok. 127;
29. Sh. Gil. *mūñ*, pl. *mūñē* f. ‘чечевица’ [mūñ -ē, f., lentils] ~ др.-инд. *mudgá-* m. ‘the bean Phaseolus mungo’ VS.; пали, пракр. *mugga-* m. ‘Phaseolus mungo’; La. *muñg*. Возможно др.-инд. *mudgá-* < **muzgá-*, как это предлагается для др.-инд. *mudgaraḥ* m. ‘Hammer’ сравнением с чеш. *možditi* ‘zerschlagen’ (соответственно: русск. *можжѣть* или *можжѣть* ‘бить или толочь до раздробления, плющить, разнимать боемъ или раскатомъ’ (Даль); схрв. *можди-ти*, *-дѣм* ‘давить, мять (виноград). В этом случае допустимо сближение с слав. **mozgъ* а.п. *d* [OCA 1: 230–233] || Bailey 1924: 153b; Turner I, 588 (10198); KEWA II, 653; EWA II, 361;
30. Sh. Gil. *bákū*, gen.sg. *bákēi*, pl. *bákē*, gen. *báko* m. ‘ветвь’ [bák-ū-ē-ēi-o, m., branch] ~ др.-инд. *valká-* m. ‘bark of a tree’, ‘лыко’ TS.; пракр. *vakka-* n. ‘skin, bark’. Связывают со слав. **volkno* n. (а.п. *b*) || Bailey 1924: 131a; Turner I, 666 (11417); KEWA III, 164; EWA II, 525–526;
31. Sh. Gil. *bīṣ* m. ‘яд, отрава; аконит’ [bīṣ, m., poison], [Turn.: Sh. *bīṣ* m. ‘poison, aconite’] ~ др.-инд. *viṣá-* n. ‘poison’ RV, ‘ein Aconitum’; пали, пракр. *visa-* n. (пракр. также m.); авест. *viš-* n. ‘Gift, Giftsaft’, *viša-* n. ‘Gift’ (Bartholomae 1961: 1472); греч. *ῥός* m. ‘яд; сок’; лат. *vīrus*, *-ī* n. ‘zähe Flüssigkeit, Schleim, Saft; bes. Gift; Schärfe, Bitterkeit’; слав. *vòxъ* ‘ядовитая трава’ (русск. *вѣх*, укр. зап.-укр. *вєсь*; польск. диал. [šwinia] *wesz*, чеш. диал. [svinská] *veš*; чередование согласных отражает третью палатализацию заднеязычных). В сближении наблюдается контаминация нескольких основ. Выделяются др.-инд. *visá-* n. ‘aconite, poison’; авест. *viš-* n. ‘Gift, Giftsaft’; слав. *vòxъ* ‘ядовитая трава’. К этому ряду, по-видимому, относится и Sh. Gil. *bīṣ* m. ‘яд, отрава; аконит’, первичность его баритонезы подтверждается баритонезой славянского соответствия. Конечное ударение в др.-инд. *visá-* может объясняться или доминантностью суффикса (тематического гласного), или влиянием других участников контаминации || Bailey 1924: 133a; Turner I, 692–693 (11968); KEWA III, 227–228; EWA II, 563–564; WH II, 800; Минлос & Терентьев 2002: 517–539;
32. Sh. Gil. *zūk*, pl. *zūkkē* m. ‘почка (анат.)’ [zūk- -ē, m., kidney] ~ др.-инд. *vrkkā-* m. du. ‘kidneys’

AV., *vr̥kya-* TS., *vr̥kkā-* f. ‘heart’ lex.; **vrakka-*, *bukka-* n. ‘heart’; пали *vakka-* n. ‘kidney’; пракр. *wūk*, *uwūk* || Bailey 1924: 169b; Turner I, 698 (12064); KEWA III, 241–242; EWA II, 571–572.

Таким образом, в ведийском мы наблюдаем, по-видимому, второй этап процесса передвижения акцента на ровных тональных платформах. В моем докладе на XIII съезде славистов [Дыбо 2003] я предложил для объяснения перевода тематических имен индоевропейской подвижной акцентной парадигмы в греко-арийскую окситонированную передвижение акцента на один слог вперед, это передвижение произошло и в греческом, и в древнеиндийском, оно естественно произошло на низкотональных платформах; ведийский, по-видимому, продолжил тенденцию сдвига акцента на конец ровной платформы, перенеся этот процесс на высокотональные платформы. В атематических основах, по-видимому, именно эти передвижения привели к видимости (иллюзии) четырех греко-арийских акцентных типов, которые восстанавливаются рядом исследователей как индоевропейские акростатическая, протеродинамическая, гистеродинамическая и амфидинамическая акцентные парадигмы.

Существенно, что тот реликт индоевропейской акцентной системы, которые наблюдаются в иранских языках — обследованная мною акцентная система языка пушту — также указывает на систему, более близкую к реконструируемой для балто-славянского и германского, что еще больше убеждает во вторичном характере ситуации в ведийском (см. Дыбо 1974).

Все сказанное выше основано на предложенной мною тонологической гипотезе происхождения индоевропейской акцентной системы. В сущности для балто-славянского эта гипотеза может уже считаться доказанной: подвижность акцента в акцентной парадигме, выбор акцентных типов производных, система метатонии. Протогерманская акцентная система в проясняемых частях хорошо согласуется с балто-славянской и получает доказанные данные для объяснения ряда особенностей германского консонантизма. Ведийская и древнегреческая акцентные системы относятся в значительной мере к системам категориального акцента. Но, во-первых, наблюдения над парадигматическими акцентными системами показывают, что они в ходе исторического развития проявляют тенденцию преобразования в категориальные акцентные системы; во-вторых, эти две системы сохраняют следы старого парадигматического со-

стояния в виде двух акцентных типов непроемных имен, генетически тождественных (по распределению) двум типам акцентных парадигм балто-славянского. В греческом имена баритонированного акцентного типа соответствуют балто-славянским именам баритонной акцентной парадигмы (в славянском а.п. *a* и а.п. *b*), а имена окситонированного акцентного типа (в основном тематические) соответствуют балто-славянским именам подвижной акцентной парадигмы (в греческом подвижность акцента устранена еще на греко-арийском уровне посредством сдвижки акцента в формах-энклименах на тематический гласный; вместе с акцентом на стянувшихся с тематическим гласным доминантных окончаниях передвинутый акцент образовал акцентную колонку окситонной колонной акцентной парадигмы). В ведийском баритонная акцентная парадигма расщепилась: имена с доминантным корнем и с обычным рецессивным тематическим гласным сохранились как баритонированный акцентный тип (с неподвижным накоренным ударением), имена с доминантным корнем и с доминантным тематическим гласным передвинули акцент на тематический гласный, образовав группу окситонированных имен, которые совпали с именами бывшей индоевропейской подвижной акцентной парадигмы, в греко-арийском преобразованной в окситонированную колонную. Что же представляет собой этот *доминантный тематический гласный*? Впервые мы встретились с ним при анализе суффикса **-āk-* (см. [Дыбо 1981: 259; подробнее Дыбо 2009: 58–59], при этом, конечно, были рассмотрены все *-k*-суффиксы и установлено, что «метатония» (как собственно метатония, так и просто преобразование рецессивного адъективного суффикса вместе с его соединительным гласным в доминантный субстантивный) не связана с консонантной частью суффикса и лишь относительно связана с соединительным гласным: при долготном гласном акут преобразуется в циркумфлекс, при кратком появляется лишь доминантность. То, что эту «метатонию» можно связать лишь с тематическим гласным показывает феномен герм. **frōdaz* < **frōpās* adj. 'klug, weise' ~ лит. *prōtas* (2) subst. 'ум, разум, рассудок'. Обе основы — девербативы. Но одна (германская) — адъективный девербатив, другая (балтийская) — субстантивный девербатив.

На следующем этапе С. Л. Николаев установил подобный же механизм в отглагольном словообразовании. Основы с суфф. *-to-* можно оценивать двояко: и как отглагольные образования, и как образования от страдательных причастий (отглагольных прилагательных); но образования с суфф.

-dlo-/tlo-* — это уже чисто отглагольные субстантивы. Таким образом доминантный тематический гласный обычно применялся в образовании субстантивных девербативов, являясь суффиксом этих девербативов или входя в состав суффиксов, служивших для образования отглагольных субстантивов. В приводимом выше материале из шина мы имеем некоторый набор таких суффиксов: *-tra-* (= **-dlo-/tlo-*), *-ra-* (= **-ro-/lo-*), *-ya-* (= **-jo-*), *-sa-*. Доминантность трех (-dlo-/tlo-*, **-ro-/lo-*, **-jo-*) подтверждается балто-славянским. Относительно **-dlo-/tlo-*, см. Николаев 1989: 47–56; Дыбо 2009: 27–30 (о поведении этого суффикса в ведийском см. анализ Николаева в ОСА 1: 59–63); относительно именного суффикса **-jo-*, ср. слав. **kljūčjb*, gen.sg. **kljūčja* > **ključjā* а.п. *b* (ср. лит. *kliauti* 'гнуть'; лтш. *klāūt* 'наклонять, прижимать'; греч. κληῖς, др. κλαῖς 'ключ'; лат. *clāvus* 'гвоздь', *clāvis* 'ключ'); слав. *lūčjb*, gen.sg. **lūčja* > **lučjā* а.п. *b* (ср. др.-инд. *rokāḥ* 'свет'; герм. **lauzaz* < **lauxás* m. 'flame', 'пламя'⁴); слав. *měčjb*, gen.sg. *měčja* > *měčjā*. (ср. лит. *minkyti* 'мять, месить'; лтш. *mīkt* 'размягчаться').

Естественно, подобную ситуацию можно ожидать и в глагольной системе древнеиндийского. Суффикс *-ya-* (< **-jo-/je-*) по данным балто-славянского доминантный⁵. Это, по-видимому означает, что в ведийском при доминантном корне основа фонетически закономерно должна была иметь ударение на суффиксе *-ya-*, при рецессивном корне ударение должно было остаться на корне, см. выше схему С. Л. Николаева. Причина, почему ударение при рецессивном корне остается на корне, а не сдвигается на доминантный суффикс, подробно изложена мною в [Дыбо 2003: 150–153].

Шина, по-видимому, хорошо соответствует предлагаемой схеме. Так как в прадрардском передвижения акцента на ровных высоких платформах не происходило, все презенсы с суффиксом *-ya-* показывают накоренное ударение. Это же относится и к презенсу пассива. Вот пояснение Т. Г. Бейли

⁴ Ср. реликтовое различие в германском *nomina activa*: **lauzaz* < **lauxás* m. 'flame' (др.-исл. *leygr* 'flame, fire'; др.-англ. *līz* 'flame, lightning', др.-фриз. *loga* 'flame, fire'; др.-в.-нем. *loug* id.) и *nomina passiva*: **lauzaz* < **lauxas* m. 'open space, meadow' (др.-исл. *ló* 'clearing (in the woods), meadow'; др.-англ. *lēah* 'meadow, open space'; ср.-н.-нем. *lo* 'bush', др.-в.-нем. *lōh* 'grove, bush'; ср. лит. диал. **laukas* (2) 'луг' [Иллич-Свитыч 1963: 34–35])

⁵ См. ОСА: 64, основы на шумные. В рецессивных основах на сонант (ОСА: 62–63) *-j-* элемент либо является частью корня (*лити*, *пити*), либо вторично появляется по аналогии (*жевати*, *клевати*, *сновати*), см. подробно Дыбо 2000: 227–303, 377–396.

об образовании форм пассива и его спряжении: «The passive is formed by adding *-izh* to the root of the active and conjugating like a verb of the 2nd conj.» (Bailey 1924: 29). Последнее замечание означает, что ударение остается на корне, но при краткости слога корня (так же как и при двусложности основы имени) ударение передвигается на следующий слог основы (т. е. на *-izh*-). Формант пассива *-izh*, по-видимому, восходит к *-ya*-.

Глаголы с основами на *-ya*- и их отражение в шина

а) В ведийском ударение на корне (традиционный IV класс):

1. Sh. Gil. *bīlīzhēi* ‘тает’ [bīli-izhōikī-ī’ zhēi-ā’ dū II melt (intr.)] (Radl. II, 61: bilaáj-am ‘I will melt’) ~ др.-инд. *vīlīyate* и *vīlīyate* AV. ‘löst sich auf’ (так KEWA III, 102 sub v. *lināti*, что неправильно, так как это и.-е. $\sqrt{*lēi}$ -). В EWA II, 474—475 sub \sqrt{LAY} ‘sich schmiegen, anhaften’, что также неверно, так как указанный Майрхофером корень — это и.-е. $\sqrt{*leiH}$ -. Для ударения ср. также бесприставочный глагол: др.-инд. *rīyate* (относительно значения — вот подборка примеров с ним из Ригведы с переводом Т. Я. Елизаренковой: I, 85₃ *ānu rīyate ghṛtām* «жир струится (вслед за ними на (их) пути)»; I, 30₂ *ninnānā ná rīyate* «стекает, как (река), в низину»; X 53₃: *ásmanvatī rīyate* «течет каменная (река)»; X 40₉: *rīyante ...sindhavo* «текут реки, (словно в низину,)»); с приставкой *vi-* этот *-ya*-глагол естественно получает значение ‘растекается’. Turner I, 688 приводит др.-инд. форму **virīyate* ‘is melted’ (11862), она, по-видимому, не зафиксирована в ведийской литературе, но пракр. *virāi* intr. ‘melts’; M.(arathī) *virṇē* intr. ‘to melt’; Si.(nhalese) *virenavā*, *virīyannavā* ‘to become liquid, melt’ и др. Т. Гото (Gotō 1987: 279) пытается установить преобразование презентной основы *-laya-* в *-līya-*, но этот процесс по его материалам, по-видимому, относительно поздний и к AV. он отношения не имеет. Авторы LIV², выделяя особый \sqrt{li} -, связывают его с греч. $\lambda\acute{\iota}\alpha\zeta\omicron\mu\alpha\iota$ и $\lambda\acute{\iota}\nu\alpha\mu\alpha\iota$ · $\tau\rho\acute{\epsilon}\rho\omicron\mu\alpha\iota$ (Hes.) и с герм. **linnan* — интересные гипотезы с недостаточной аргументацией; последняя не нова (новое только то, что R. Lühf заменила *nn-* < **-nц-* на *-nn-* < **-nH-*, что, впрочем, не может считаться абсолютной истиной — это лишь модная игра с ларингалами). Всего этого недостаточно, чтобы отбросить традиционное этимологическое решение Вальде.

По мнению в Kulikov 2001, 2011 (с предш. лит.), синхронно следует различать два древнеиндийских корня вида *Lī*: 1 ‘растворяться, плавиться’ (в ведийских текстах отмечен только с приставками *vi-* и *pra-*: *vī-līyate*, *prá-līyate*), 2 ‘прилегать, примыкать, прилепляться’. К первому корню с префиксом *vi-* относятся и диалектные формы с *r* вместо *l*: пракр. *virāi* intr. ‘melts’; M.(arathī) *virṇē* intr. ‘to melt’; Si.(nhalese) *virenavā*, *virīyannavā* ‘to become liquid, melt’ и др., см. Turner I, 688 (11862, sub **virīyatē* ‘is melted’). Как этимологически соотносятся эти корни с ведийским корнем *Rī* (*rīyate*) ‘течь’ (по мнению Л. И. Куликова, основанному прежде всего на попытке сомнительной внешней этимологии Майрхофера, повторяемой под вопросом в LIV²: 305, значение восходит через ‘стремительно течь’ к ‘мчаться’), для автора не вполне ясно, но семантическая связь с приставочным глаголом ‘таять’ вполне реальна: все встречаемости в RV относятся к жидкости — воде, жиру; ср. также развитие слав. *тек-* (укр *микати* ‘бежать’ и под.); неразличение же в пра-индоиранском рефлексов ПИЕ **l* и **r* пока ни в одной реконструкции не отмечено || Bailey 1924: 133a; Turner I, 690 (11906); KEWA III, 102; EWA II, 474—475; Dybo 2002: 371—372, ср. LIV²: 406; Gotō 1987: 279; Kulikov 2001; 2011;

2. Sh. Gil. *dāzhēi* ‘горит (дрова и т. п.)’ [dazhōikī dāzhē dādū, II, v. intr., burn (wood, etc.)] ~ др.-инд. *dāhyate* RVKh.² ‘to be burnt’. См. ниже во второй части списка о др.-инд. дублете *dahyāte* || Bailey 1924: 138a; Turner I, 362 (6325 Sh. отсутствует); Kulikov 2001; 2011;
3. Sh. Gil. *dīzhēi* ‘падает’ [dīzhōikī dīzham dītūs (ī in dītūs is ī long), II, fall] ~ др.-инд. *dīyati* ‘летит’ || Bailey 1924: 138b; Turner I, 364 (6364); Werba 1997: 295;
4. Sh. Gil. *nāshēi* ‘потерян’ [nashōikī nāsham naṭūs, II, be lost] ~ др.-инд. *nāsyati* ‘исчезает, теряется, гибнет’ || Bailey 1924: 154b; Turner I, 403 (7027);
5. Sh. Gil. *pārūzhej* ‘слышит, слушает’ [pārūzhōikī -ū’ zham -ū’ dūs, II, hear, understand] (Radl. II, 61: parūj-am ‘I will hear’) ~ др.-инд. **paribudhyate*, для ударения ср. бесприставочный глагол: др.-инд. *būdhyate* ‘воспринимает, понимает’ || Bailey 1924: 156a; Turner I, 443 (7848);
6. Sh. Gil. *pāshēi* ‘видит, смотрит’ [pashōikī pāsham pashī’ gas, II 1 ac., see] ~ др.-инд. *pāsyati*

'sees' RV. [√paś-] || Bailey 1924: 156b; Turner I, 452 (8012);

7. Sh. Gil. *śómēi* 'он утомлѐн' [ʃom-óikṅ -qm -í'lūs, be tired], [Bailey 1924: 46: śō'mam, к инфинитиву śomóikṅ, get tired, к этому же инфинитиву приписаны и каузативные формы презенса] ~ др.-инд. *śrámyati* 'устал, утомлѐн' || Bailey 1924: 163a; Turner I, 736 (12693);
8. Sh. Gil. *shúshēi* 'сохнет' [shushóikṅ shūshēi shūkṅ, II, become dry], ~ др.-инд. *śúṣyati* 'сохнет' || Bailey 1924: 162a; Turner I, 728 (12559).

б) В ведийском ударение на суффиксе (традиционный пассив):

1. Sh. Gil. *avāzhej* 'необходимо, желательно' [avā-zhóikṅ-zhēi-dū or -zhīlu, be proper or necessary or advisable, necessary, ought: II]; *avāzhoikṅ* 'to be proper or necessary or advisable' ~ др.-инд. *ābadhyate*, но возможно, *āpadyate* < **ābādhyate*; для ударения ср. бесприставочный глагол: др.-инд. *badhyāte* 'он связан'; || Bailey 1924: 130a; Turner I, 55 (1221);
2. Sh. Gil. *bāzhej* 'замерзает'; [bāzhóikṅ -bā-zhēi bā'dū, II, freeze (used with gāmuk, ice: g. bādū, it became ice) *bāzhoikṅ* '(of water) to freeze' ~ др.-инд. *badhyāte* 'is bound', 'он связан' (ср. пали *bajjhati* 'он связан, поражѐн', пракр. *bajjhāi*); || Bailey 1924: 132b; Turner I, 515 (9134);
3. Sh. Gil. *būrīzhej* 'клонится, опускается к горизонту (о луне, звѐздах), погружается в воду'; [būr-izhóikṅ-īzhēi-ī'lūs (ī long), -ī'dūs, II, sink, set (of sun, moon, stars) also sink in water, etc.; *būrōikṅ* 'to make sink' [būrōikṅ, I, cause to sink (in water, etc.)] ~ др.-инд. **buḍyate* (causat. **boḍayati*, санскр. lex. *bolayati*); пракр. *buḍḍai* 'sinks', *buḍḍa* 'sunk' || Bailey 1924: 134a; Turner I, 524 (9272);
4. Sh. Gil. *chījēi* 'он порван, разорван', 'быть отделѐнным' [chījóikṅ chī'-jam-dū, II, be separated: see chūzhóikṅ]; *chījōikṅ* 'to be separated' ~ др.-инд. *chidyate* 'is cut, is split', пали *chijjati*, пракр. *chijjai* || Bailey 1924: 135b; Turner I, 276—277 (5042);
5. Sh. Gil. *dāzhej* 'горит'; [dāzhóikṅ dāzhēi dādū, II, v. intr. burn (wood, etc.)] ~ др.-инд. *dahyāte* 'горит, сжигаем' (*dahyāte* TS¹, MS-KS¹, ŚB⁴). См. ниже во второй части списка о др.-инд. дублете *dāhyāte* || Bailey 1924: 138a; Turner I, 357 (6248); Куликов 2001; 2011;
6. Sh. Gil. *mirīēi* 'умирает' (автоматический сдвиг в шина в двусложных основах с начального краткого на следующий слог, см. выше);

[miróikṅ mirī'am mūūs, to die] (Radl. II, 61: mirī-am 'I will die') ~ др.-инд. *mriyāte* 'умирает'⁶, пали *miyyati*, *mīyati*, пракр. *mijjai*; || Bailey 1924: 152b; Turner I, 599 (10383);

7. Sh. Gil. *mīšīzhej* (автоматический сдвиг в шина в двусложных основах с начального краткого на следующий слог, см. выше) — пассив от *mīš-óikṅ*. [mīšizhóikṅ, mīšī'zham mīšī'lūs or mīšī'dūs, II, be mixed or associated (int. of next word)] Глагол *mīšóikṅ* < др.-инд. *mīśrayati* 'mixes' KātyŚS., образованного от adj. *mīśrā* 'mixed' RV. (ударение ясно: корень доминантный, суффикс *-ra-* также доминантный, как показано в именном разделе), к этому глаголу был подстроен пассив **mīśryate*, который дал в пра-шина **mīšīzhej*, со сдвигом ударения на второй слог основы получилось *mīšīzhej* || Bailey 1924: 153a; Turner I, 583 (10137);
8. Sh. Gil. *rāzēi* 'is cooked', past part. *rādū* [razhóikṅ, rāzhēi, rādū, II, be cooked (in pot)] < Sk. **radhyate* 'is softened' (act. *radhyatu* 'let him subdue' AV.), *raddhāh* 'subdued' RV. [Cf. *randhi* imper. 'subdue', *radham* inj. 'may I submit', *radhrā* 'weak' RV, *randhayati* 'cooks' MānGS. — √RANDH] || Bailey 1924: 159a; Turner Nep. 532a; Turner I, 614 (10611).

Сходство IV класса глаголов с ведийским пассивом давно обратило на себя внимание: формы страдательного залога отличаются от среднего залога в IV классе только своим насуффиксальным ударением. Исходя из нулевой ступени корневого слога, характерной для глаголов IV класса, обычно считают, что IV класс первоначально имел ударение на суффиксе. Но это лишь предрассудок, связанный с верой в то, что место ударения непосредственно определяется степенью абляута. В действительности в определенной мере связь между степенью абляута и местом ударения обнаруживается лишь в системе глагола, что, с моей точки зрения, свидетельствует о ее вторичности, а ударение IV класса можно рассматривать в какой-то степени как архаизм.

⁶ Л. И. Куликов полагает, что эта форма получает насуффиксальное ударение (так же как формы *dhriyāte* и *driyāte*) вследствие фонетического правила **fīa* > **fīá* (см. Kulikov 1997). Это правило нужно ему, чтобы объяснить безвариантное насуффиксальное ударение в явно семантически пассивных формах. Замечу, что при принятии предположения об этимологическом, ранее фонологически обусловленном месте ударения, высказанного в начале настоящей заметки, такое правило оказывается ненужным.

Таким образом, система языка шина как бы отражает ситуацию в индоарийском до ведийского сдвига ударения на высокотональных платформах. Но в ведийском могло быть положение, при кото-

ром в порядке СṽСṽСṽ отсутствовала определенность в месте акцента, в отличие от порядка СṽСṽ#, что могло отразиться в наличии акцентуационных дублетов.

Leonid Kulikov

Leiden University / Institute of Linguistics (Moscow)

Reply to replies

Replies of V. Dybo and A. Kassian offer a number of interesting historical observations, placing the issue of the history of the main accentual type of *-ya*-present in a new perspective. I will not enter here into a general discussion of the comparability of evidence provided by Balto-Slavic accent and Vedic verbal accentuation, which represents quite an intricate issue on its own, but goes far beyond the scope of the current discussion. Rather, I will confine myself to a few more specific remarks on the data and their interpretation provided by the discussants.

As rightly noticed by A.K., the explanation of several subgroupings within the system of the *-ya*-presents in Vedic (largely) based on Kuryłowicz's analogical scenarios is not free from complications and several back and forth developments in the accentual history of the *-ya*-formations. Putting the accentual patterns in direct connections with the tonal schemes of the morphemic sequences in accordance with their accentual types (dominant/recessive) may, at first glance, spare some of such 'redundant' changes of my scenario (as outlined by A.K.).

Yet, this alternative explanation is not free from heavy problems either, while the lack of comparative evidence, quite unfortunately, makes this analysis less falsifiable than the (more traditional) explanation.

Let us take a closer look at the rule that forms the core of Dybo's tonal theory of the genesis of the Vedic accentuation as applied to the accent patterns of the *-ya*-presents (see p. 207): (i) the *-ya*-presents derived from the roots of the dominant tonal type should bear the accent on the suffix, whilst (ii) the *-ya*-presents derived from the roots of the recessive type should have the accent on the root. How could then this purely phonological distribution be dephonologized, so that, ultimately, the place of accentuation becomes conditioned

by the semantic types of *-ya*-presents? Developing the basic idea of V.D. and A.K., one might assume the following historical scenario: (I) a certain (semantically influential?) group of the *-ya*-presents of the former type (dominant roots = accent on the suffix) were mostly used as passives and therefore have formed the core group of the *-yá*-passives, whereas (II) a certain (semantically influential?) group of the *-ya*-presents of the latter type (recessive roots = accent on the root) mostly occurred in non-passive usages and therefore have given rise to the Old Indian 'class IV' presents, i.e. to the non-passive *-ya*-presents with the root accentuation. Subsequently, the first group attracted those *-ya*-passives which, by virtue of the tonal type of the root morpheme (recessive) had accent on the root (with the concomitant accent shift from the root to the suffix, in analogy with the core members of the class: $*\sqrt{-ya-} > \sqrt{-yá-}$), while in another class we expect the opposite development: non-passive *-ya*-presents with the root accentuation attracted other non-passive *-ya*-presents that had accent on the suffix, with the concomitant accent shift from the suffix to the root, in analogy with the core members of the class: $*\sqrt{-yá-} > \sqrt{-ya-}$.

Unfortunately, as noticed by A.K. (p. 199), the Balto-Slavic material furnishes as few as two reliable cognates of the Vedic *-ya*-presents that can be used for the reconstruction of the original tonal pattern of the Vedic stems. One of them, Slav. **topiti* 'warm, make warm' (the exact cognate of the Vedic causative *tāpáyati* id.) must testify to the dominant type of the root, which, in accordance with Dybo's rule, should result in Vedic suffix accentuation *tapyáte* 'heats; suffers'. This accentuation is attested from the Atharvaveda onwards, alongside with the root accentuation *tápyate*, which is met with, in particular, in the Yajurvedic mantras; see p. 190 above. Another direct com-

parison is Slav. **dbr-ati* (~ Ved. *dīryāte* ‘cracks’), with a recessive root, which should point to the root accentuation (*dīryate*, attested in the Taittirīya- and Maitrāyaṇī Saṃhitās of the Yajurveda, alongside with the suffix accentuation *dīryāte* found in the Śatapatha-Brāhmaṇa). Obviously, evidence is too scant for any decisive conclusion — however attractive the tonal hypothesis might appear for the explanation of the initial split of one single type into two accentual classes.

More substantial evidence for hypothesizing about the original accentuation of the (Old) Indo-Aryan *-ya*-presents is, allegedly, provided by the Dardic language Shina, which, according to V.D., preserves the original accentuation (on the root) in the cognates of all *-ya*-presents, irrespectively of the accentuation in Vedic. The question on whether we can reduce all *-ya*-presents to a single accentual system on the basis of evidence from Dardic remains open, however (see A.K.’s objections, p. 199).

Furthermore, the presentation of the Vedic material on p. 208–209 is not free from inaccuracies or unlikely assumptions. Thus, there are no good reasons to trace two homonymous (albeit perhaps genetically related) roots *lī*, ‘cling, adhere’ and ‘dissolve’, and the root *rī* (which, as Praust (2000) has demonstrated, has the meaning ‘whirl, swirl’, not merely ‘flow’) to the same historical source. Notice that *lī* ‘disappear, dissolve’ (as of salt in water) normally refers to a solid substance that becomes liquid; by contrast, *rī* can only be constructed with the subject of a liquid.

Problematic is the comparison of Sh. Gil. *pārūzhei* ‘hears, listens’ [‘слышит, слушает’] with *būdhyate*, which originally could only mean ‘awakens’; the mean-

ing ‘perceives, notices’ must represent inner Vedic development.

Sh. Gil. *rāzēi* ‘is cooked’ etc. is compared to the non-existent Sanskrit form **radhyate* ‘is softened’; its reconstruction on the basis of act. *rādhyatu* ‘let (him) subdue, be subject’ AV etc. is implausible: these two meanings can hardly be reconciled with each other.

Positing such a monstrous form as the alleged passive **mīśryate*¹ (‘is mixed?’) is based on mere misunderstanding: *mīśrayati* ‘mixes’ is a late Vedic (from the Sūtras onwards) denominative derived from the adjective *mīśrā-* ‘mixed, mingled’. Passives based on denominatives are very late and by no means could exist in early Vedic, let alone in Proto-Indo-Iranian.

Last but not least, the prevalence of non-passives in the list of Shina verbs is remarkable and considerably weakens V.D.’s hypothesis.

Notice also the amazing parallelism between the accent shift from the first short syllable to the second (suffixal) syllable and the accent shift² from the root to suffix in *-ya*-presents made from the roots of the type *Cṛ*, as in *mriyāte* ‘dies’ < **mṛ-īa-te*,³ which I discussed elsewhere (Kulikov 1997).

To conclude, accentuation in Shina, however archaic it might be, can hardly corroborate our hypotheses on the original accentual patterns in of the Vedic *-ya*-presents.

¹ Such form is hardly possible by virtue of the rules of Sanskrit phonetics; a more probable structure would be perhaps **mīśriyate*.

² Discarded by V.D. with no good reasons; see p. 209, fn. 6.

³ Notice that this is the only type of *-ya*-stems, where the root syllable is short, i.e. has a short vowel and is open.

Abbreviations

AB	Aitareya-Brāhmaṇa	[X] ^P	prose part of the text [X]
AV(Ś)	Atharvaveda (Śaunakīya recension)	Pāṇ.	Pāṇini (Aṣṭādhyāyī)
BĀU(K)	Bṛhad-Āraṇyaka-Upaniṣad (Kāṇva recension)	PB	Pañcaviṃśa-Brāhmaṇa (= Tāṇḍyamahā-Brāhmaṇa)
BĀUM	Bṛhad-Āraṇyaka-Upaniṣad, Mādhyandina recension	RV	Ṛgveda
Br.	Brāhmaṇa(s)	RVKh.	Ṛgveda-Khilāni
ChUp	Chāndogya-Upaniṣad	Sh. Gil.	Shina, Gilgit dialect
DhP	Dhātupāṭha	ŚBK	Śatapatha-Brāhmaṇa, Kāṇva recension
KaṭhĀ	Kaṭha-Āraṇyaka	ŚB(M)	Śatapatha-Brāhmaṇa (Mādhyandina recension)
KātyŚS	Kātyāyana-Śrauta-Sūtra	TĀ	Taittirīya-Āraṇyaka
KS	Kāṭhaka(-Saṃhitā)	TB	Taittirīya-Brāhmaṇa
[X] ^m	mantra part of the text [X]	TS	Taittirīya-Saṃhitā
MānGS	Mānava-Gṛhya-Sūtra	VS(M)	Vājasaneyi-Saṃhitā (Mādhyandina recension)
ManuSmṛ.	Manu-Smṛti (= Mānava-Dharma-Śāstra)	YV	Yajurveda(-Saṃhitā) (= VS(K), MS, KS, KpS, TS)
MBh.	Mahā-Bhārata		
MS	Maitrāyaṇī Saṃhitā		

Literature

- АБАЕВ, В. И. 1958—1995. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. М.—Л. [АБАЕВ, V. I. 1958—1995. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka*. M.—L., 1958—1995.]
- АРКАДЬЕВ, П. М. 2006. Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке. Формальные противопоставления и их семантическая мотивация // *Балто-славянские исследования* 17. Москва. С. 250—294. [АРКАДЬЕВ, P. M. Paradigmaticheskie klassy pervichnykh glagolov v litovskom yazyke. Formal'nye protivopostavleniya i ikh semanticheskaya motivaciya // *Balto-slavyanskije issledovaniya* 17. Moskva. S. 250—294.]
- БЕР = *Български етимологичен речник*. София, 1971—. [Blgarski etimologichen rechnik. Sofiya, 1971—.]
- ДЫБО, В. А. 1972. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках // *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря)*. Предварительные материалы. М. С. 38—44. [ДЫБО, V. A. O refleksakh indoevropetskogo udareniya v indoiranskikh yazykakh // *Konferenciya po sravnitel'no-istoricheskoi grammatike indoevropeskikh yazykov (12—14 dekabrya)*. Predvaritel'nye materialy. Moskva. S. 38—44.]
- ДЫБО, В. А. 1974. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. 1: Именная акцентуация // *Балто-славянские исследования*. Москва. С. 67—105. [ДЫБО, V. A. Afganское udarenie i ego znachenie dlya indoevropeskoi i balto-slavyanskoi akcentologii. 1: Imennaya akcentuaciya // *Balto-slavyanskije issledovaniya*. Moskva. S. 67—105.]
- ДЫБО, В. А. 1981. *Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском*. Москва. [ДЫБО, V. A. Slavyanskaya akcentologiya: Opyt rekonstrukcii sistemy akcentnykh paradigim v praslavyanskom. Moskva.]
- ДЫБО, В. А. 1982. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции) // *Балто-славянские исследования* 1981. Москва. С. 205—260. [ДЫБО, V. A. Praslavyanskoe raspredelenie akcentnykh tipov v prezense tematicheskikh glagolov s korniyami na neshumnye (materialy k rekonstrukcii) // *Balto-slavyanskije issledovaniya* 1981. Moskva. S. 205—260.]
- ДЫБО, В. А. 2000. *Морфологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис*. Т. 1. Москва. [ДЫБО, V. A. Morfonologizovannnye paradigmaticheskie akcentnye sistemy. Tipologiya i genezis. T. 1. Moskva.]
- ДЫБО, В. А. 2003. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации*. Москва. С. 131—161. [ДЫБО, V. A. Balto-slavyanskaya akcentologicheskaya rekonstrukciya i indoevropetskaya akcentologiya // *Slavyanskoe yazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Lyublyana, 2003 g. Doklady rossiiskoi delegacii*. Moskva. S. 131—161.]
- ДЫБО, В. А. 2009. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском языке и балто-славянская метатония // *Вопросы языкового родства*, № 2. [ДЫБО, V. A. Sistema porozhdeniya akcentnykh tipov proizvodnykh v balto-slavyanskom prayazyke i balto-slavyanskaya metatoniya // *Journal of Language Relationship*, № 2.]
- ДЫБО, В. А. В печати. *Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии* // В сборнике в честь Дж. И. Эдельман. [ДЫБО, V. A. Drevneindiiskii akcent v dardskom yazyke shina как problema indoevropeskoi akcentologii // To appear in a forthcoming Festschrift for D. I. Edelman.]
- ЗАЛИЗНЯК, А. А. 1985. *От праславянской акцентуации к русской*. Москва. [ZALIZNYAK, A. A. Ot praslavyanskoi akcentuacii k russkoi. Moskva.]
- ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М. 1963. *Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентных парадигм*. Москва. [ILICH-SVITYCH V. M. Imennaya akcentuaciya v baltiiskom i slavyanskom. Sud'ba akcentnykh paradigim. Moskva.]
- ЛУБОЦКИЙ А. 1991. Ведийская именная акцентуация и проблема праиндоевропейских тонов // *Вопросы языкознания*, 1991, №1. С. 20—48. [ЛУБОЦКИЙ А. Vediiskaya imennaya akcentuaciya i problema praindoevropeskikh tonov // *Voprosy yazykoznanija*, 1991, №1. S. 20—48.]
- МИНЛОС Ф. Р., ТЕРЕНТЬЕВ В. А. 2002. Рус. диал. *вѣх*. Этимология // *Studia linguarum* 3/2. *Memoriae A. A. Korolev dicata*. М.: Languages of Slavonic Culture. P. 517—545. [МИНЛОС F. R., ТЕРЕНТЬЕВ V. A. Rus. dial. *vekh*. Etimologiya // *Studia linguarum* 3/2. *Memoriae A. A. Korolev dicata*. M.: Languages of Slavonic Culture. P. 517—545.]
- НИКОЛАЕВ С. Л. 1989. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки. Балто-славянские соответствия классам греко-арийских суффиксов // *Историческая акцентология и сравни-*

- тельно-исторический метод. Москва. С. 46—109. [NIKOLAEV S. L. Balto-slavyanskaya akcentuacionnaya sistema i ee indoevropskie istoki. Balto-slavyanskije sootvetstviya klassam greko-ariiskikh suffiksov // *Istoricheskaya akcentologiya i sravnitel'no-istoricheskii metod*. Moskva. S. 46—109.]
- НИКОЛАЕВ С. Л., СТАРОСТИН С. А. 1978. Некоторые соответствия индоевропейских долгот и ударений // *Конференция «Проблемы реконструкции»*. 23—25 октября 1978 г. Тезисы докладов. Москва. С. 114—119. [NIKOLAEV S. L., STAROSTIN S. A. Nekotorye sootvetstviya indoevropskikh dolgot i udarenii // *Konferenciya «Problemy rekonstrukcii»*. 23—25 oktyabrya 1978 g. Tezisy dokladov. Moskva. S. 114—119.]
- ОСА = ДЫБО В. А., ЗАМЯТИНА Г. И., НИКОЛАЕВ С. Л. 1990. *Основы славянской акцентологии*. Москва. [DYBO V. A., ZAMYATINA G. I., NIKOLAEV S. L. 1990. *Osnovy slavyanskoi akcentologii*. Moskva.]
- ОСА 1 = ДЫБО В. А., ЗАМЯТИНА Г. И., НИКОЛАЕВ С. Л. 1993. *Основы славянской акцентологии. Словарь*. Вып. 1: *Непроизводные основы мужского рода*. Москва. [DYBO V. A., ZAMYATINA G. I., NIKOLAEV S. L. 1993. *Osnovy slavyanskoi akcentologii. Slovar'*. Вып. 1: *Neproizvodnye osnovy muzhskogo roda*. Moskva.]
- BAILEY, T. G. 1924. *Grammar of the Shina (Ṣiṇā) language*. London.
- BARBER Ch. C. 1932. *Die vorgeschichtliche Betonung der Germanischen Substantiva und Adjektiva*. Heidelberg.
- BARTON, Charles R. 1989. PIE. *mer-, Arm. meṛanim 'die' // *IF* 94: 135–157.
- BEEKES, Robert S. P. 1999. Rev. of: Hoffmann/Forssmann 1996 [*Avestische Laut- und Flexionlehre*] // *Kratylos* 44: 62–71.
- BENFEY, Theodor. 1865. Rev. of: Miklosich, F. *Die Verba impersonalia im Slavischen*. Wien, 1865 // *GGA*, Jg. 1865, St. 45: 1778–1792. [= *Kl.Schr.* II, 137–148].
- BENFEY, Theodor. 1866. Ueber *ri*, *ri* und *li* // *Orient und Occident* 3: 1–77, 193–256.
- BLOOMFIELD, Maurice. 1895. On assimilation and adaptation in congeneric classes of words // *American Journal of Philology* 16 (4) [= No. 64]: 409–434.
- BODEWITZ, Hendrik W. 1973. *Jaiminīya Brāhmaṇa I*, 1–65. *Translation and commentary: with a study. Agnihotra and Prāṇāgnihotra*. Leiden: Brill. (*Orientalia Rheno-Traiectina* 17).
- BRUGMANN, Karl. 1902. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg: Trübner.
- BRUGMANN, Karl. 1916 [Grundr.²]. *Vergleichende Laut, Stammbildungs- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der indogermanischen Sprachen*. Zweite Bearbeitung. Bd. II: *Lehre von den Wortformen und ihrem Gebrauch*. Th. 2. Berlin und Leipzig: de Gruyter.
- BUDDRUS G. 1996. *Shina-Rätsel* // D. B. KAPP (ed.). *Nānāvidhaikatā: Festschrift für Hermann Berger*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. S. 29–54.
- COMRIE, Bernard. 1985. Causative verb-formation and other verb-deriving morphology // Th. SHOPEN (ed.), *Language typology and syntactic description*. Vol. III: *Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 301–348.
- DELBRÜCK, Berthold. 1874. *Das altindische Verbum aus den Hymnen des Ṛgveda seinem Baue nach dargestellt*. Halle a.S.: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.
- DELBRÜCK, Berthold. 1897. *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*. 3 Theile. Strassburg: Trübner.
- DIELS, Paul. 1913. Über das indogermanische Passivum // *Jahresberichte der Schlesischen Gesellschaft für Vaterländische Cultur* 91 (IV. Abt. *Orientalisch- Sprachwissenschaftliche Sektion*): 1–8.
- DYBO, V. A. 2002. Balto-Slavic Accentology and Winter's Law // *Studia linguarum*. 3/2, Moscow. P. 295–515.
- ETTER, Annemarie. 1985. *Die Fragesätze im Ṛgveda*. Berlin — New York: de Gruyter.
- EWA = MAYRHOFER, M. 1992–2001. *Etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, I–III. Heidelberg.
- FEIST, S. 1939. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. Leiden.
- FRAENKEL E. 1955. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Franck & van Wijk = WIJK, N. van. 1949. *Franck's etymologisch woordenboek der Nederlandsche taal*. Gravenhage.
- FRISK H. 1960–1972. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. 3 Bde. Heidelberg.
- FROEHDE, F. 1881. Der lateinische ablaut. II // *BB* 6: 161–195.
- GONDA, Jan. 1951. *Remarks on the Sanskrit passive*. Leiden: Brill.
- GONDA, Jan. 1959. *Stylistic repetition in the Veda*. Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitgeversmaatschappij.
- GONDA, Jan. 1971. *Old Indian*. Leiden: Brill. (*Handbuch der Orientalistik*. 2. Abt. 1. Band. 1. Abschnitt).
- GOTŌ, Toshifumi. 1987. *Die "I. Präsensklasse" im Vedischen. Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpräsentia*. Wien.

- GÜNTERT, Herman. 1914. *Über Reimwortbildungen im Arischen und Griechischen. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung*. Heidelberg: Winter. (*Indogermanische Bibliothek*. III. Abt.: *Untersuchungen*; Bd. 1).
- GÜNTERT, Herman. 1927. Kleine Beiträge zur griechischen Wortkunde // *IF* 45. S. 345–347.
- HARTMANN, Hans. 1954. *Das Passiv. Eine Studie zur Geistesgeschichte der Kelten, Italiker und Arier*. Heidelberg: Winter.
- HASPELMATH, Martin. 1987. *Transitivity alternations of the anticausative type*. Köln: Institut für Sprachwissenschaft.
- HAUSCHILD, Richard. 1965. Rev. of: Mayrhofer 1965 [*Sanskrit-Grammatik*] // *IF* 70: 215–216.
- HILLEBRANDT, Alfred. 1880. Rev. of: Whitney 1879 [*SktGr*] // *BB* 5: 338–345. [= *Kl.Schr.*, 602–609].
- HOCK, Hans Henrich. 1985–86. Voice, mood, and the gerundive (*kṛtya*) in Sanskrit // *Indologica Taurinensia* 13 (*Proc. of the 6th World Sanskrit Conference* (Philadelphia, October 13–20 1984)): 81–102.
- HOLTHAUSEN F. 1934. *Altenglisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- INSLER, Stanley. 1987. The Vedic causative type *jāpáyati* // C. WATKINS (ed.) *Studies in memory of Warren Cowgill*. Berlin etc.: de Gruyter, 54–65.
- JAMISON, Stephanie W. 1983. *Function and form in the -āya-formations of the Rig Veda and Atharva Veda*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. (*KZ; Ergänzungsheft* 31).
- KELLENS, Jean. 1984. *Le verbe avestique*. Wiesbaden: Reichert.
- KEMMER, Suzanne. 1993. *The middle voice*. Amsterdam: Benjamins.
- KEMMER, Suzanne. 1994. Middle voice, transitivity, and the elaboration of events // B. FOX & P. J. HOPPER (eds), *Voice: form and function*. Amsterdam: Benjamins, 179–230.
- KEWA = M. MAYRHOFFER. 1956–1980. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, I–IV. Heidelberg.
- KONOW, Sten. 1941. *Khotansakische Grammatik mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis*. Leipzig.
- KORTLANDT, Frederik H. H. 1981. 1st sg. middle *-H₂ // *IF* 86: 123–136.
- KULIKOV, Leonid I. 1997. Vedic *mriyáte* and other pseudo-passives: notes on an accent shift // I. HEGEDÜS et al. (eds.) *Indo-European, Nostratic, and Beyond: Festschrift for V. V. Shevoroshkin*. Washington: Institute for the Study of Man, 198–205.
- KULIKOV, Leonid I. 1998a. Passive, anticausative and classification of verbs: The case of Vedic // L. KULIKOV & H. VATER (eds), *Typology of verbal categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen: Niemeyer, 139–153.
- KULIKOV, Leonid I. 1998b. Vedic -ya-presents: semantics and the place of stress // W. MEID (ed.) *Sprache und Kultur der Indogermanen. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*. Innsbruck, 22.–28. September 1996. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 341–350.
- KULIKOV, Leonid I. 2001. *The Vedic -ya-presents*. PhD diss., Leiden University.
- KULIKOV, Leonid I. 2005. Length vacillation -īy-/īy- and related phenomena in Vedic // G. MEISER and O. HACKSTEIN (eds) *Sprachkontakt und Sprachwandel. Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*. 17.–23. September 2000, Halle an der Saale. Wiesbaden: Reichert, 295–317.
- KULIKOV, Leonid I. 2011. *The Vedic -ya-presents: Passives and intransitivity in Old Indo-Aryan*. Rodopi: Amsterdam. (*Leiden Studies in Indo-European*)
- KURYŁOWICZ, Jerzy. 1952. *L'accentuation des langues indo-européennes*. Kraków: Nakład Polskiej Akademii umiejętności. (*Polska Akademia Umiejętności. Prace komisji językowej*; 37).
- LEUMANN, Manu. 1940. Zur Stammbildung der Verben im Indischen // *IF* 57: 205–238. [= *Kl.Schr.*, 303–328].
- LEVIN, Beth. 1993. *English verb classes and alternations*. Chicago etc.: University of Chicago Press.
- LUBOTSKY, Alexander M. 1985. The PIE word for 'dry' // *KZ* 98: 1–10.
- LUBOTSKY, Alexander M. 1988. *The system of nominal accentuation in Sanskrit and Proto-Indo-European*. Leiden.
- LUBOTSKY, Alexander M. 1997. The Indo-Iranian reflexes of PIE *CRHUV // A. LUBOTSKY (ed.) *Sound law and analogy. Papers in honor of Robert S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday*. Amsterdam: Rodopi, 139–154.
- LIV² = H. RIX (ed.). 2001. *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. 2. Aufl. Wiesbaden.
- MACDONELL, Arthur Anthony. 1910. *Vedic grammar*. Strassburg: Trübner. (*Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde*; Bd. I, Heft 4)
- MAYRHOFFER, Manfred. 1965. *Sanskrit-Grammatik mit sprachvergleichenden Erläuterungen*. 2. Aufl. Berlin: de Gruyter. (Sammlung Göschen; 1158/1158a)
- MÜLLER, Friedrich Max. 1864. Einiges über das Passivum // *Orient und Occident* 2: 581–582.
- NEGELEIN, Julius von. 1898. *Zur Sprachgeschichte des Veda. Das Verbalsystem des Atharva-Veda sprachwissenschaftlich geordnet und dargestellt*. Berlin: Mayer & Müller.

- OREL VI. 2003. *A Handbook of Germanic Etymology*. Brill.
- Pok. = POKORNY J. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern—München.
- PRAUST, Karl. 2000. *Studien zum indogermanischen Verbum*. PhD diss. Universität Münster.
- Radl. I = RADLOFF C. F., with Sh. A. SHAKIL. 1998. *Folktales in the Shina of Gilgit (text, grammatical analysis and commentary)*. Summer Institute of Linguistics and National Institute of Pakistan Studies.
- Radl. II = RADLOFF C. F. 1999. *Aspects of the Sound System of Gilgiti Shina*. Summer Institute of Linguistics and National Institute of Pakistan Studies.
- RASMUSSEN, Jens E. 1993. The Slavic *i*-verbs with an excursus of the Indo-European *ē*-verbs // B. BROGYANYI & R. LIPP (eds) *Comparative-historical linguistics: Indo-European and Finno-Ugric. Papers in honor of Oswald Szemerényi*. III. (CILT 97). Amsterdam: Benjamins, 475–487.
- REICHEL, Hans. 1902. Beiträge zur Geschichte der indogermanischen Konjugation // BB 27: 63–105.
- SAUSSURE, Ferdinand de. 1879. *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*. Leipsick: Teubner. [= F. de SAUSSURE, *Recueil des publications scientifiques*. Genève: Société Anonyme des Éditions Sonor, 1–268].
- SCHMIDT, Johannes. 1875. *Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus*. II. Weimar: Böhlau.
- SCHMIDT R. L., KOHISTANI R. (in collaboration with M. M. ZARIN). 2008. *A grammar of the Shina language of Indus Kohistan*. Wiesbaden.
- SIHLER, Andrew L. 1995. *New comparative grammar of Greek and Latin*. New York — Oxford: Oxford University Press.
- SPEIJER, Jacob S. 1896. *Vedische und Sanskrit-Syntax*. Strassburg: Trübner. (*Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde*; Bd. I, Heft 6).
- STRUNK, Klaus. 1967. *Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen*. Heidelberg: Winter.
- SZEMERÉNYI, Oswald. 1964. *Syncopé in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent*. Naples: Istituto universitario orientale di Napoli. (*Quaderni della sezione linguistica degli annali*; 3).
- THUMB, Albert / Richard HAUSCHILD. 1959. *Handbuch des Sanskrit*. II. Teil: *Formenlehre*. Heidelberg: Winter.
- TiŽ = *Tauta ir Žodis*. Kaunas, 1923—1931.
- Turner I = TURNER R. L. 1966. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. London.
- Turner Nep. = TURNER R. L. 1930. *A Comparative and etymological Dictionary of the Nepali Language*. New Delhi, Bombay, Calcutta, Madras, Bangalore, Hyderabad.
- WERBA, Chlodwig H. 1997. *Verba Indoarica: die primären und sekundären Wurzeln der Sanskrit-Sprache*. Pars I: *Radices Primariae*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- WH = WALDE A., HOFFMAN J. B. 1938. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 3. Aufl. Heidelberg.
- WHEELER B. 1885. *Der griechische Nominalakzent*. Straßburg.
- WHITNEY, William Dwight. 1889. *Sanskrit grammar*. 2nd ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- WITZEL, Michael. 1989. Tracing the Vedic dialects // C. CAILLAT (ed.) *Dialectes dans les littératures indo-aryennes*. Paris: Collège de France., 97–265.
- WOOD, Francis A. 1907/1908. Rime-words and rime-ideas // IF 22: 133–171.

Данная работа посвящена анализу ведийских медиальных презенсов с суффиксом *-ya-*, уделяя основное внимание акцентному типу этих морфологических образований. Исследование парадигматических и синтаксических признаков соответствующих глагольных форм позволяет сделать вывод о том, что предлагавшаяся до настоящего времени интерпретация этих презенсов в терминах оппозиции «пассив/антикаузатив (интранзитив)» не во всех случаях является адекватной. Дается краткий очерк истории этих морфологических образований, в котором особое внимание уделяется акцентным сдвигам (ударение на корне ↔ ударение на суффиксе — в частности, в таких презенсах как *triyáte* ‘умирает’), имевшим место как в праиндоарийском (или праиндоиранском), так и в исторический период — в ведийском.

Ключевые слова: санскрит, ведийский язык, Ригведа, Атхарваведа, Яджурведа, индоевропейские языки, пассивный залог, антикаузатив, медиальный залог, акцентология, сдвиг ударения.

